О. Д. КАЗАЧКОВСКИЙ
Физик на войне
О. Д. КАЗАЧКОВСКИЙ
Физик на войне
2
ЭНЕРГОАТОМИЗДАТ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Это рассказ о войне, увиденной глазами попавшего на фронт молодого ученого-физика. Автор, исправно выполняя свои обязанности артиллерийского разведчика, не забывал и о прежней специальности. И к оценке многих событий подходил с позиции рационально мыслящего физика. Тут нет никакого вымысла, нет и прикрас. Изложено все как было — непредвзятое свидетельство очевидца. Как и положено человеку, посвятившему себя точным наукам. Но с оговоркой — пришлось восстанавливать почти все по памяти. Никаких личных записей того времени не сохранилось, остались только фронтовые письма. А память иногда обманчива. Да и восприятие того, что происходит, не всегда однозначно. Даже когда мы, бывшие однополчане — участники одних и тех же событий, встречаемся и обмениваемся воспоминаниями, зачастую выявляются и разные представления о происходившем. Так что в отдельных деталях не исключены и неточности.

- Казачковский О. Д.
  -
  - От автора
  - Начало
  - Наша служба — артразведка
  - Отступление
  - Николаев
  - Великий драп
  - Неудачи продолжаются
  - На подступах к Сталинграду
  - Сталинград
  - Нелегкие успехи
  - Соратники
  - Свидание с домом
  - Крым
  - Авиация не так страшна
  - Белоруссия
  - Вместе с пехотой
  - Артиллерийская практика
  - Все еще и физик
  - Немного «мистики»
  - Женщины на фронте
  - Жестокости войны
  - Война завершается

- После войны
- Некоторые выводы
- Из писем с фронта
- Об авторе

Казачковский О. Д.
Физик на войне

Моим боевым спутникам, воинам 85-го гвардейского гаубичного артполка, посвящается

От автора

Это рассказ о войне, увиденной глазами попавшего на фронт молодого ученого-физика. Автор, исправно выполняя свои обязанности артиллерийского разведчика, не забывал и о прежней специальности. И к оценке многих событий подходил с позиции рационально мыслящего физика. Тут нет никакого вымысла, нет и прикрас. Изложено все как было — непредвзятое свидетельство очевидца. Как и положено человеку, посвятившему себя точным наукам. Но с оговоркой — пришлось восстанавливать почти все по памяти. Никаких личных записей того времени не сохранилось, остались только фронтовые письма. А память иногда обманчива. Да и восприятие того, что происходит, не всегда однозначно. Даже когда мы, бывшие однополчане — участники одних и тех же событий, встречаемся и обмениваемся воспоминаниями, зачастую выявляются и разные представления о происходившем. Так что в отдельных деталях не исключены и неточности.

Начало

Воскресенье 22, июня 1941 года, раннее утро. Только-только наступил рассвет. Будит громкий стук в дверь. Это вестовой из штаба полка — объявлена тревога. Опять, в который раз за те полтора месяца, что мы здесь, эти надоевшие учения. Как не ко времени! Сегодня нам предстоит ехать в Кишинев, играть в финале первенства Молдавии по волейболу. Мы — это команда нашего артполка, расквартированного в Оргееве, небольшом бессарабском городе в 80 км от границы. Наша команда и выступает за этот город. Никто из местных в нее не входит — уровень спортивной квалификации не тот. У нас, кроме кадровых ребят, двое из числа призванных на стажировку приписников из Днепропетровска: Толя Танатар, выпускник Горного института, и я, аспирант Физико-технического института, два года тому назад окончивший Университет. Оба в звании младших лейтенантов. Вчера в полуфинале мы встречались с приехавшей к нам командой города Бельцы. Хотя в нападении они были явно слабоваты, но играли цепко, слаженно, «тянули» большинство мячей. У Толи, нашего основного нападающего, не шли удары. Все в сетку, да в сетку! Нависла угроза поражения. И тут я, второй нападающий, решился взять игру на себя: тогда еще можно было выходить к сетке с любого места площадки. Удивительно, но у меня все получалось. После того, как мы выиграли, один из солдат, ярый болельщик и прекрасный пианист, сказал, что должен сыграть для меня 10 вальсов Шопена Таков был уговор — по одному вальсу за каждый выигрышный удар. Прекрасное настроение, воскресенье так много обещает после надоевшей полуказарменной жизни. А тут эта неуместная тревога! Хорошо еще, что как никогда рано подняли. Может быть, успеем уложиться с учениями до намеченного отъезда?

Бегом, потому Что мы живем на частной квартире довольно далеко от полка. А время сбора по тревоге считается одним из главнейших показателей достигнутого уровня боевой подготовки. Уже почти все собрались. Сейчас кто-то из начальства будет знакомить с обстановкой: где условный противник, каковы его намерения, ставить задачи на поддержку нашей пехоты и т. п. Но никто к нам не выходит. Все почему-то задерживается. Проходит полчаса, час, другой. Опять-таки не как обычно. Раньше буквально не терялось ни минуты.

Ждем. И вдруг слышим: в артпарке, это площадка неподалеку под открытым небом, где стоят наши орудия, заводятся тягачи. Ого! Никак, собираются орудия вывозить? Такого раньше никогда

не было, ограничивались командно-штабными тренировками. Что все это значит? Какой тут Кишинев! Боишься подумать, но все больше закрадываются подозрения. Неужели пришло то, чего ожидали и чему, надеялись, еще совсем не время? Ну нет, не может быть. Разве бы не сказали уже нам! Разве бы мы так бездействовали! Вероятно, и у других то же самое на уме. Но никто не высказывает своих мыслей вслух. Формально у нас с Германией хорошие отношения. По заявлению В. Молотова, она теперь совсем не агрессор, как раньше считалось. Более того, недавно были официальные разъяснения (правда, только с нашей стороны) о том, что немцы и не собираются с нами воевать. Подобные слухи — провокация империалистических кругов запада во главе с нашим заклятым врагом Черчиллем. Это они пытаются столкнуть между собой наши дружественные страны. Ничего из этого не выйдет! А полуофициально даже убеждали, что Гитлер ни в коем случае не будет нападать. Немцы, дескать, знают, что мы сильнее, и боятся нас. Один по-настоящему уважаемый и авторитетный лектор в Университете «конфиденциально» рассказывал о недавно состоявшейся встрече высших военных чинов наших двух стран. Немцы сообщили, что победа в Польше далась им легко. Вот только подо Львовом неожиданно встретили такое сильное сопротивление, что вынуждены были приостановиться. Наши сказали, что и нам подо Львовом также пришлось вступить в бой с отчаянно сражавшимися крупными силами, но для нас все обошлось благополучно, и противник был отброшен. Не назывались вещи своими именами, но было все ясно. И хотелось верить, что, пусть и не совсем так, но что-то в таком роде было. А пока газеты все еще старательно перепечатывают победные реляции немецкого командования так, будто речь идет о наших боевых успехах.

Впрочем, разговоры — разговорами, но близость войны ощущалась. В начале года директор нашего института Г. Курдюмов вернулся из Москвы после утверждения годовых планов и прямо сказал, что вряд ли удастся доработать по ним до конца. Обстановка сложная. К войне готовились усиленно. Спешно строились оборонительные сооружения на новой границе. Здесь, в Оргееве, встретился знакомый командир, служивший ранее в полку, где мы стажировались, на строевой должности. Оказывается, он — офицер НКВД и прибыл сюда в составе бригады специального назначения. В связи с возможностью близкого начала военных действий должны, как он выразился, срочно провести «санитарно-профилактические мероприятия» — выявить и изолировать, попросту говоря, арестовать «неблагонадежных». Одна из наших батарей недавно скрытно

заняла боевые позиции на границе, на берегу Прута. Да и то, что нас, приписников, впервые призвали на стажировку не в родном Днепропетровске, как обычно, а неподалеку от границы, само за себя говорило.

Мы все ждем. Кто-то принес весть: открылись склады НЗ — неприкосновенного запаса, хранящегося на случай чрезвычайных ситуаций. Подозрения все больше перерастают в уверенность. Но все же крошечная надежда теплится: а может быть, это всего лишь комплексная (и не очень удачная!) проверка нашей боевой готовности? Наше же непосредственное начальство, если и появляется, то ничего, кроме все того же «ждите!», не говорит. Все так же ревут трактора, но никто не дает команды трогаться с места. И только в середине дня, после выступления по радио Молотова, сомнений не остается: да, это война. Невольно думаешь, как все получалось хорошо, когда объявлялась учебная тревога. Заранее было расписано, что и как надо делать. И четко, словно по нотам, проигрывалось. Все были довольны. К реальности же мы оказались не готовы. Нелепость — стремиться экономить на учениях какие-то доли минут и запросто терять часы, когда наступает то, ради чего, собственно говоря, они и проводятся!

Вскоре после полудня первый воздушный налет. Только-только успели вывезти орудия за город и кое-как укрыть под деревьями. Пикирующие бомбардировщики, это были «Юнкерсы-87» (научились распознавать их потом), заходят на бомбежку как раз над нами. Вспоминая ту первую бомбежку, как будто со стороны вижу себя вместе с другими старательно прячущимся под деревом (чтобы не обнаружить себя?). И в то же время все мы стреляем, кто из чего горазд. Я — из своего пистолета. Солдаты — из винтовок, но обычными пулями. Никакого вреда немцам мы не могли причинить. Просто нужно было как-то реагировать. Тем более, что ни зениток, ни наших истребителей нет. Думаю, что вероятной целью были именно мы. Пикировщики — это ведь для прицельной бомбежки. Кроме нас, других «достойных» объектов в городе не было. А что, если бы они появились раньше или мы еще больше затянули с вывозом орудий из артпарка? Там все было так скучено, что почти наверняка потери в технике были бы нешуточные.

Что говорилось о перспективах грядущей войны? Официально сообщалось, что залп одного нашего корпуса в три раза мощнее немецкого. А по числу корпусов, конечно, мы их должны превосходить, поскольку и народу у нас больше. И на наших аэродромах уже есть бомбардировщики, которые летают со скоростью свыше 500 км в час. Значит, наши истребители, можно

было сделать вывод, еще быстрее. Скорость же немецких истребителей «Мессершмитов», согласно нашим буклетам, не превосходит 450 км. Да и танки наши хороши — здорово прыгают на парадах, показываемых регулярно в кинохронике. И наконец, чувство пролетарской солидарности со стороны немецких рабочих, одетых в солдатскую форму, нельзя сбрасывать со счетов. В общем, вроде бы все должно складываться в нашу пользу. Но приходили на ум поразительно легкие немецкие победы в Европе и наша совсем неудачная кампания в Финляндии. Да и явно недостаточная организованность, излишняя, неумная прямолинейность и требовательность отдельных командиров, выходящая порой за рамки здравого смысла. Все это мы, студенты, проходя воинскую стажировку, имели возможность наблюдать и отчасти испытать на себе. Тогда подобное сходило с рук — начальство всегда право. А что теперь будет? Впрочем, думай не думай — воевать придется такими, как мы есть. Другого не дано.

Итак, все, черта под прошлым подведена! Начинается иная жизнь. В ней нет места тому, что было прежде. Какой там волейбол, какие соревнования! Забудь науку, аспирантуру, все то, что так интересовало, волновало тебя! Надо сосредоточиться на том, что сейчас перед тобой, выполнять единственный ныне долг — воевать. Впрочем, совсем забыть то, что связывает тебя с прошлым, забыть друзей, близких, ту, о которой часто думаешь, невозможно. Да и не надо. Ведь ты и за них воюешь. Просто это все отодвинулось куда-то на второй план и никак не мешает. А может быть, и помогает.

Как долго продлится война? Шли разговоры, будто она предсказана в Священном Писании, будет продолжаться 3 месяца, 3 недели и 3 дня, и закончится нашей победой. Тогда еще не было моды верить всякого рода предсказателям и ясновидящим, и, думаю, мало, кто это воспринимал всерьез. Но внимали таким разговорам с интересом. Хоть какое-то, пусть и призрачное, утешение в той безрадостной обстановке, которая сложилась в первые же дни. В указанном сроке «для полноты картины» не хватало еще 3 лет, что было бы ближе к истине. Но, видимо, авторы предсказания не рискнули замахнуться на такое — казалось бы слишком невероятным. Разве можно так долго выдержать!

Наша служба — артразведка

Сначала и почти до самого конца войны я — начальник разведки в артиллерийском полку РГК (резерва Главного командования). Пусть несведущего читателя не вводит в заблуждение слово резерв и он не подумает, что мы в основном находились в резерве, т. е. бездействовали. Наоборот, нам пришлось практически непрерывно быть в бою и притом на самых горячих участках. Как правило, нас вечно перебрасывали туда, где ожидались или начинались активные действия.

Фронтовые требования принципиально отличаются от того, к чему приучила нас наука, относящаяся к разряду точных. Там конечный вывод следует делать лишь после того, когда все изучено и проанализировано. Здесь же надо принимать решения без промедления, хотя многие обстоятельства еще остаются неизвестным. А серьезно ошибаться нельзя. Все же мне удалось достаточно быстро перестроиться и найти, как я считаю, правильную линию. Приходилось рассчитывать на интуицию, которая есть не что иное, как здравый смысл, подкрепляемый наращиваемым опытом. И, к чему вскоре же я пришел, — нельзя, если на то нет веских причин, менять принятое решение, даже если оно оказалось не лучшим. Получится еще хуже.

Какого-либо отбора по степени пригодности в артиллерийскую разведку не было. При формировании полка в разведчики были зачислены мобилизованные местные жители, молдаване, в основном люди пожилого возраста, не очень пригодные для службы в действующей армии вообще, а в разведке тем более. Смешно говорить — один из этих «разведчиков», бухгалтер по профессии, носил в кармане… флакончик с валерьянкой. Чуть заслышит звук самолета, не разбирая, свой или чужой, тут же к нему и прикладывается. Может быть, они и стали со временем нормальными артиллерийскими разведчиками, но вскоре всех их передали от нас в строительные подразделения. Вновь присланные, помоложе, довольно быстро освоили премудрости нашей профессии.

Разные люди были у нас. Сержант Денисов пришел из госпиталя. До этого служил в подразделении «катюш», куда, во всяком случае вначале, был строгий отбор. Живой, остроумный. Начитанный, многое знал наизусть. С ним было интересно общаться. Он же иногда сокрушался, что после контузии стал уже не тот — память, находчивость ослабели. На его беду он был еще и неплохим художником. На этой почве у него произошел конфликт со старшим политработником: отказался выполнить

указание художественно оформить нелепого содержания, по его мнению, боевой листок. Как не пытались его уговаривать — стоял на своем. Говорил что-то о героях Джека Лондона, мужественных и принципиальных. Но не в таких же пустяках принципиальность! Он не хотел слушать. Тогда тот приказал направить его в штрафной батальон. И направили! После ранения (это автоматически освобождало от дальнейшего пребывания в штрафбате) он попытался вернуться к нам, но ему отказали.

А вот на другом, можно сказать, полюсе — солдат Милютин. Человека со столь замедленной реакцией я не встречал. Обладал удивительной способностью спать на ходу. Когда мне об этом сказали, не поверил. Тогда один раз, когда он был в составе парного патруля, его напарник решил это практически доказать. Не стал тормошить, когда тот действительно, идя по дороге, заснул. Кончилось тем, что Милютин налетел на столб. Потом долго ходил с шишкой на лбу. Казалось, неподходящий для нас человек. Но свою службу на НП (наблюдательном пункте) нес исправно. На ответственные же операции его предпочитали не брать.

Иногда к нам в разведку направляли чем-то проштрафившихся из других подразделений полка. Как будто у нас штрафной батальон! Это несколько обижало, но ребята попадались хорошие. Откомандировали к нам водителя машины командира полка, сержанта Лобко, после того, как в ответ на грязное ругательство, не сдержался и повторил в адрес майора его же слова. Мы посадили его на свою полуторку и горя не знали. Лобко не только отлично водил машину, но и понимал ее досконально. У него машина всегда была на ходу. До него шофером был Ваня Красовский, совсем неплохой парень. И ездил прилично. Но вечно с машиной что-нибудь случалось и она «не хотела» двигаться. Свойство не очень приятное, особенно когда приходится поспешно отступать, чем в первое время мы в основном и занимались. Характерная картина, в которой он запомнился, — машина стоит с раскрытым капотом, незадачливый водитель рядом в задумчивости чешет затылок.

Нет нужды расписывать фронтовые действия ребят. Это рутинная работа артиллерийского разведчика. Она состояла, главным образом, в непрерывном наблюдении и изучении противника с подготовленного НП. Требовалось выявлять цели и обеспечивать управление огнем своих батарей. НП — это целое сооружение, не только окоп для наблюдения, но и землянки, укрытия, в которых можно жить и работать. Создавать все это приходилось по ночам, чтобы не заметил противник. Летом жалели, что ночи коротки — не всегда успевали управиться до

рассвета. Хорошо, если удавалось использовать что-то готовое. Как-то нашли немецкий блиндаж под НП, удобный, прочный, перекрытие в два наката. Но и два неудобства. Во-первых, выход из него прямо в сторону противника. Во-вторых, на пороге, у самого входа торчит из под земли стабилизатор невзорвавшейся бомбы. Может детонировать при близком разрыве. Но мы об этом особенно не думали. Наш телефонный позывной тогда так и был — «бомба».

По идее НП должен быть тщательно замаскирован. И нельзя его демаскировать открытым хождением. Вначале мы этого придерживались строго. Хорошо помню свой первый НП на Днестре. С него открывался хороший обзор. Но и немец мог нас отлично видеть. Днем мы туда не ходили. А ночью, в кромешной тьме, его было непросто найти. Выручило неожиданное обстоятельство — наличие ориентиров, пригодных для ночных условий. Обычные дневные ориентиры — зрительные. Бывают (на море, в тумане) звуковые. Для нас же здесь служили ориентирами… запахи. В посадке, вдоль которой проходила тропинка, лежали, прошу прощения, три дохлые лошади. Почувствовал в третий раз неприятный запах — сворачивай в поле и, идя прямо, попадешь на свой НП. И в дальнейшем какое-то время, несмотря на практические неудобства, мы стремились избегать дневных хождений. Но, в конце концов, это надоело и стали, если требуется, приходить и днем. И не очень прогадали. За все время войны было только два случая, когда наш НП, явно обнаруженный противником, подвергался обстрелу. Прямых попаданий не было и все обошлось благополучно.

В позиционной войне мы, как правило, находились позади передней линии пехотных окопов. В маневренных же условиях не раз доводилось непосредственно сталкиваться с противником. Хорошо помню нашу первую настоящую разведку. Это было в августе 41-го. Получил задание установить местонахождение противника. Наших войск поблизости не было. Ночью на полуторке с разведчиками отправились в путь. С нами «искать приключения» вызвался политрук дивизиона Соловьев. Едем, как и положено было тогда, не включая света. В первой деревне спрашиваем, были ли немцы. Нет! В следующей деревне — то же самое. А в третьей немцы побывали, но ушли. Стрельбу слышали по соседству. Надо удостовериться, что соседнюю деревню занимают немцы. Не доезжая до нее, останавливаем машину. Мы с политруком и двумя разведчиками отправляемся дальше пешком. Соловьев вдруг предлагает: «Давайте разобьемся по одному, зайдем с четырех сторон и откроем пальбу. Вот немцы всполошатся!» Я, конечно, отвергаю столь «блистательную» идею.

Он и не настаивает. Свернули с дороги и по полю приближаемся к задворкам. Яркая луна, мы — как на ладони. Все тихо. Вдруг выстрел и трассирующая пуля летит в нашу сторону. За ней вторая, третья. Вот она, немецкая бдительность! Из посадки, совсем рядом, ударил пулемет. Обратил внимание на необычный, металлический отзвук. Бросаемся на землю. Стрельба продолжается. Мучительно думаю, что же делать. Лежать, чего-то ожидать бессмысленно. По-пластунски уползать — далеко не уйдешь. Даю команду: открыть огонь наугад, затем врассыпную убегать. Так и сделали. Политрук, как держал в левой руке гранату, так в горячке ее и бросил. Она разорвалась совсем неподалеку. Хорошо еще, что на ней не было оборонительного чехла, который дает массу осколков. А так никто из нас не пострадал. Шок быстро проходит и мы, все еще возбужденные, посмеиваясь над своими переживаниями, направляемся к машине. Вдруг — выстрелы, крики «стой». Неужели немцы сумели устроить засаду? Нет, это наши, те кто оставался. Услышав звуки скоротечного боя, подумали, что нас захватили немцы, и на всякий случай заняли оборону. Хорошо еще, что не уехали! Потом, уже днем, когда мы вели наблюдение за этой деревней, стала понятна причина того металлического отзвука: это стрелял немецкий броневик. Видели, как он, дав пулеметную очередь, выехал из той же посадки и настиг двух наших оказавшихся там солдат. Тем не оставалось ничего другого, как поднять руки.

Теперь я сам удивляюсь нашей тогдашней лихости. А что, если бы в тех, первых деревнях уже были немцы? Могли и попасться. Как много позже в районе Каменки на Днепре попался командующий 44-й армией генерал Бабков вместе со всей своей свитой. В эту армию раньше входил и наш: полк. Генеральский кортеж по ошибке въехал в деревню, занятую немцами. Армию в одночасье расформировали. Был издан приказ, в котором основная вина за случившееся возлагалась на адъютанта командующего. Дескать, он был обязан знать обстановку и следить, куда едут. Нашли стрелочника! Вроде, самому высокому начальству это знать не обязательно. У нас же фактически получалось, что основной задачей адъютанта было распоряжаться функциями денщиков. К чести генерала надо сказать, что, как потом выяснилось, попав в плен, он вел себя достойно. И, во всяком случае, не подался к Власову.

Отступление

Пришлось отступать. Это не было неожиданностью. Не очень верили, что, как, заявлялось, воевать будем на чужой территории, да притом еще малой кровью. Но, что отступление зайдет так далеко, не предполагали. Помню, как кто-то из старших командиров сказал, что нам надо, во что бы то ни стало удержаться на Днестре. Иначе, не дай Бог, придется откатиться аж до самого Днепра! Это казалось немыслимым. А я сразу же подумал о своем родном Днепропетровске, где остались мои родные, друзья, где прошло мое детство, вся довоенная жизнь. Как мне дорог мой родной город! Неужели и ему грозит опасность? Перед войной мы с воодушевлением пели песню о любимом городе из кинофильма «Истребители». И свято верили, что он, наш любимый город, «…может спать спокойно и видеть сны, и зеленеть среди весны.» После того, как Днепропетровск захватили немцы, что произошло вскоре, у меня возникла к этой песне настоящая аллергия. Это был самообман! Не может больше спать спокойно наш любимый город. И потом, много лет спустя после войны, даже когда эту песню исполнял великий Поль Робсон, мне все еще было неприятно ее слышать.

Информация о происходившем на фронтах была скудная. Все же масштаб наших поражений на Западном фронте несложно было «вычислить» по первым же официальным сводкам. Не хотелось думать, что так будет продолжаться и дальше. Все оставалась надежда: вот-вот подойдут резервы и ситуация изменится. Тем более, что у нас, на юге, первое время было не так уж плохо. Пусть мы и отступали, но не спеша, организованно. Однако вскоре дошла очередь и до нас. Первый сигнал прозвучал уже недалеко от Днестра, когда нам встретилась группа бойцов, в беспорядке тащившихся по дороге в тыл. На мой вопрос старший по званию, сержант, ответил, что их разбили неподалеку отсюда, несколько севернее (по-видимому, в районе Зеленой Брамы о чем потом написал Е. Долматовский) и они идут на переформирование. Я возмутился: «Как это так разбили! Не может такого с нами быть. Не разбили, а временно потеснили». Никогда не забуду, как он на меня посмотрел. Полуудивленно — как, я не понимаю того, что происходит. Полуиспуганно — чего еще от меня (такого дурака!) можно ожидать. Но покорно повторил: «Да, нас временно потеснили». Я приказал построить всех и организованно следовать к пункту назначения. Вскоре и нас «временно потеснили». И это «временно» затянулось ой как надолго.

Как нелегко было отступать! Не только физически, но и морально. Покидаем свою землю, города, села. Оставляем наших людей на милость или, вернее, немилость победителей. Тяжело смотреть на тех, кто, собрав немногочисленный скарб, напрягая силы, пытается убежать от немцев. А мы ничем не можем помочь. В начале войны было строго запрещено брать с собой мирных жителей. То ли чтобы не мешали войскам в порядке отступать (но мы же не на параде!), то ли из боязни, что среди них окажутся диверсанты или шпионы. На переправе через Днепр (это было в районе Антоновки, под Херсоном) комендантская" служба строго следила, чтобы никто из гражданских не попал на ту сторону. На берегу я обратил внимание на маленькую девчушку лет 12. Она деловито что-то стирала в реке. Подумал, что мама где-то рядом. Оказалось, она совсем одна. Мои разведчики это выяснили и попросили взять ее с собой. Спрятали у себя в машине. Это была дочь одного из офицеров, кажется капитана, из гарнизона Ханко. Как ей удалось одной добраться так далеко, от Финляндии до юга Украины — непостижимо. После переправы она еще некоторое время была с нами, прижилась. Все относились к ней с теплотой. Может быть, стала бы дочерью полка. Или, во всяком случае, мы смогли бы помочь в ее дальнейшей участи. Но в мое отсутствие один из полковых офицеров, очень суеверный человек (о нем расскажу особо), буквально выгнал ее на произвол судьбы.

Многие из тех, кого еще не затронула война, жили по инерции, своими прежними заботами и привычками. Помню, как, вырвавшись из Николаева, направились мы в Херсон. По окружной дороге, вдоль берегов обоих лиманов, ибо прямая была перерезана. Было воскресенье, какой-то православный праздник. Жители деревень высыпали на улицы в праздничных светлых одеждах. Смотрят на нас, усталых, запыленных, никак не реагируя, почти безучастно. Вроде, как и никакого дела им нет ни до нас, ни до того, что скоро придут немцы. А в Херсоне как будто вообще ничего не изменилось. Кругом афиши — кино, концерты, танцы. Как странно все это кажется нам, успевшим позабыть мирную жизнь. И жалко их всех — вот-вот война обрушится на них. И в какой-то мере обидно — они тут развлекаются, а нам все это недоступно, мы даже и думать о таком не можем. Наверное, и в нынешнее время что-то подобное, а, может быть, и более остро, испытывали наши ребята в Чечне, а еще раньше в Афганистане.

Николаев

После тягостного отступления, когда немцы преследовали нас буквально по пятам, мы переправились через Южный Буг и оказались в Николаеве. За водной преградой какое-то, пусть и эфемерное в условиях современных возможностей ее преодоления, облегчение. А тут еще стало известно, что Сталин приказал Николаев (как и Одессу) не сдавать. Значит, есть у нас уже силы для сопротивления! Настроение поднялось, хотя немцы почти сразу же обошли город с севера и перерезали пути отхода на восток. Лучше сражаться в окружении, чем безудержно отступать! Наш артполк пока еще в походном порядке расположился на южной окраине города. Ждем приказа занять боевые позиции. Наступил вечер. Приказа все нет. Неожиданно издалека доносятся какие-то взрывы. Затем все ближе и ближе. Бомбежка? Но самолетов не слышно. Артобстрел? Не похоже, взрывы слишком сильные. И вдруг доходит до сознания: это не немцы, это мы сами взрываем город. Неужели все-таки придется его оставить? Не хочется верить, но, по-видимому, это так. Взрывов становится все больше. Вспышки, как молнии, озаряют все вокруг. Разгораются пожары. Рядом с нами подрывают железнодорожную ветку со стоящими на ней составами. До нас долетают какие-то обломки, куски рельсов. Неожиданно в нашем расположении появляется женщина. Всклокоченные волосы, обезумевшее лицо. Ее мужу, железнодорожнику, только что, при взрыве оторвало руку. Он истекает кровью. Просит прислать нашего медика, хотя бы остановить кровь. Вместе с ней бегу к командиру дивизиона, чтобы тот распорядился. Но он, храбрый, решительный в бою офицер, почему-то колеблется, молчит. То ли все же растерялся в той обстановке, то ли боится провокации (такие случаи в Николаеве были). Женщина бросается на колени, рыдает, умоляет. И это на фоне той страшной картины, подстать «Последнему дню (или ночи?) Помпеи». Он все молчит. Я не могу выдержать и, презрев субординацию, хочу вмешаться. Но тут он словно очнулся и дал, наконец, необходимое распоряжение. Фельдшер, когда вернулся, сказал, что еще немного и могло быть уже поздно. Пока человека спасли. А что дальше? Кто ему поможет там, под немцем?

Эта сцена подействовала на меня особенно сильно. Не должны люди так страдать. И я, пусть это покажется сейчас наивным, решил, дал себе клятву: если останусь жив, приложу все силы, чтобы такое не повторилось. Я считал, что у меня были способности к науке, и полагал, что смогу внести свой посильный

вклад в общее дело, для укрепления нашей страны. Звучит высокопарно, но я действительно тогда так и думал. Мы ушли из Николаева, а эта моя клятва осталась висеть надо мною всю жизнь. И многие свои помыслы и поступки я стремился сверять с ней.

Великий драп

Мы все отступаем и отступаем. Печально, но такое кажется уже нормальным. Вроде почти примирились с этим. Делаются судорожные попытки остановиться, закрепиться. Потом снова откатываемся назад. Надеялись, что хоть на Днепре удержимся. Но через три — четыре дня немцы форсировали Днепр в районе Каховки и заняли плацдарм на левом берегу. Нас перебросили туда. Стали наступать, поначалу успешно. Уже командир стрелкового полка, с которым я находился, усатый хохол Савченко не без гордости доложил наверх: «Я пью чай среди трех братьев» (это означало, что высотка с тремя курганами взята). Но дальше наступление застопорилось. Из рощи напротив — интенсивная пулеметная стрельба, пехота залегла. Я пристрелялся и открыл по роще огонь. Только передал для поднятия духа, своим, что снаряды рвутся среди скопления противника, как они перестали разрываться. Слышу, как, шелестя, пролетают надо мною, а разрывов нет. Что такое, неужели бракованные? Потом узнал — начальство приказало вместо осколочных стрелять бетонобойными. Решили таким способом избавиться от ненужного груза — они действительно никогда не потребовались. Жаль, что так получилось! Не скажу, что моя стрельба могла бы заметно повлиять на исход сражения, слишком велико было превосходство немцев, но некоторый урон все же могла нанести.

На поле появились два наших танка. Немцы стали стрелять какими-то ярко светящимися в полете снарядами. Говорили, что это термитные. Один танк был подбит сразу и остановился. Другой продолжал двигаться. И вдруг, на полпути к немецким позициям, вспыхнул. Но не остановился. Страшное, завораживающее зрелище! Огромный, яркий факел медленно ползет по полю. А внутри — люди. Неужели сознательно направляют танк на противника? Все как бы замерло, стрельба приостановилась. Потом стали наступать немцы. После усиленной артиллерийско-минометной подготовки длиннющая шеренга с автоматчиками вышла из той самой рощи и открыла плотный огонь. Казалось, головы нельзя поднять. Этим и взяли.

На другом рубеже, в районе Мелитополя, задержались уже дней на десять. Но не обольщались — основные силы прорвавшегося под Каховкой противника устремились на юг, в Крым. У нас было временное затишье. Набравшись наглости, даже начали наступать. Неясно только, зачем. Здесь был неплохой рубеж обороны, который мы заняли заблаговременно, далеко

оторвавшись от немцев. Днями раньше, пока противник не подошел, можно было вообще двигаться вперед беспрепятственно. А еще раньше — просто не отступать так далеко. Медленно, неся потери, стали продвигаться. Наша фронтовая газета, ликуя, сообщила, что только за два дня боев освобождено целых 19 населенных пунктов (это включая и небольшие хутора!). А что значат эти 19 пунктов по сравнению с тем, что потеряли! И все равно, после всех наших неудач хоть какое-то утешение. Настроение стало подниматься. Но на третий день приказ: срочно отходить. Севернее, в районе Запорожья, прорвались немцы и мощная танковая группировка (генерала Клейста) неудержимо рванулась на юго-восток, к Азовскому морю. Надо поскорее выбираться отсюда, пока нас не отрезали. Оставили с таким трудом отвоеванные 19 пунктов и с легкостью, не считая, множество других. Это уже походило на бегство, впрочем, все же в какой-то мере упорядоченное. Трактора тянут наши орудия медленно. Немецкие танки движутся гораздо быстрее. Спасало то, что немцы — бары: ночью предпочитают отдыхать. Мы же идем и днем и ночью. В каком-то большом селении, неподалеку от Бердянска, немцы нас, наш третий дивизион, в котором я тогда был, все же настигли. После небольшого привала только собрались в путь, как начался артиллерийский обстрел. Совсем рядом раздались винтовочные выстрелы. Подумалось, что стреляет кто-то из своих, наугад. Крики: прекратить огонь. Вдруг замертво падает стоящий по соседству сержант Мгеладзе. Похоже, где-то на чердаке прячется снайпер. Выбрал в качестве цели Мгеладзе, наверное, потому что принял за офицера. Бедняга, единственный из всех нас щеголял в форменной фуражке, остальные были в пилотках. Разбираться со снайпером некогда: из-за угла появляется немецкий танк и идет на нас. Ситуация критическая. Наши 152-миллиметровые орудия изготовить из походного положения в боевое непросто, требуется много времени. Но, предвидя подобные ситуации, командование разрешило транспортировать орудия почти в боевом положении. Конечно, это отрицательно сказывается на механизмах, но тут ничего не поделаешь, можно потерять все. Удалось изготовиться и произвести выстрел. Не попали. Но танк остановился, немцы выскочили и бросились наутек. Потом танк задымился. Что все-таки произошло — непонятно. Может быть, сказалась сильная ударная волна от близко пролетевшего нашего тяжелого снаряда.

Нам удалось ускользнуть. А вот первому дивизиону, двигавшемуся в том же районе неподалеку, не повезло. Командир дивизиона решил все-таки остановиться на ночлег и, соблюдая режим, дождаться пока все не позавтракают. Почему-то с

завтраком задержались. Злые языки потом говорили, что слишком долго варилась курочка для командира дивизиона. Вот и позавтракали! На них, совершенно неготовых к бою, и наскочили немецкие танки. Многие погибли, были потеряны все орудия.

В Мариуполь прибыли всего за несколько часов до немцев. Город жил нормальной, мирной жизнью, работали магазины, ходили трамваи. Немцев никто не ожидал. Напрасно мы предупреждали, что они вот-вот придут, что никакого прикрытия за нами нет. Люди не верили. Возможно, принимали за провокаторов. С этим было строго. За распространение панических слухов могли и к стенке поставить. Впрочем, нам это не грозило. Пусть только попробует комендантская служба задержать нас! Только перебрались через Кальмиус (историческую Калку), рассекающий город на две части, как на улицах стали рваться снаряды. Началась паника. Но народ быстро сориентировался. Люди понесли из магазинов, кто что может. Не немцам же оставлять! Мариуполь достался противнику целехоньким. Немцы вышли здесь к Азовскому морю, отрезав тем самым тех, кто не успел выбраться. Кому-то из наших отставших потом удалось переправиться на кубанский берег по морю и после «кругосветных странствий» вернуться в полк.

Многие немцы, упоенные легкими победами, были настроены благодушно. Один наш сержант, комсорг полка, случайно напоролся на немецких танкистов. Думал, что наши. И что? Немец просто указал, что он должен идти к ним в тыл. Они уехали, а он вернулся к своим. Трагикомичный случай произошел с другим солдатом. Он отстал от своих и шел по полю, поскольку опасался, что немцы вот-вот появятся на дороге. Действительно, те появились и, видимо, его заметили. К нему направился мотоциклист. Впереди был противотанковый ров, и наш в него спрыгнул, надеясь, что немец здесь не переберется. Но оказалось, что и сам он не может выбраться. Задняя стенка рва была слишком крутой. К тому же недавно прошел дождь, поверхность земли стала скользкой. В безуспешных попытках вылезти он страшно перемазался. Немец подъехал и, увидев его, схватился было за автомат. Но, приглядевшись и оценив ситуацию, усмехнулся, вытащил фотоаппарат и щелкнул. Потом махнул рукой и уехал.

Отступая, мы оставляли без боя подготовленные рубежи обороны. Сколько трудились жители, копая эти многокилометровые противотанковые рвы в надежде, что они задержат немцев! И почти все напрасно! Думаю, что наши растянутые по широкому фронту оборонительные заграждения

практически не мешали противнику продвигаться. Просто не удавалось нам занять прочную оборону одновременно на всем протяжении рубежа. А отдельные участки, если там и находились наши войска, всегда можно обойти. Немцы же ничем подобным не занимались. Но они нашли, как мы узнали впоследствии, другое массовое занятие для нашего населения, оказавшееся так же бесполезным — строительство стратегической автомагистрали на восток. Предполагалось, что она соединит Берлин с Багдадом и далее выйдет на Бомбей (кодовое название ББББ). Жители многих оккупированных районов, в том числе и Днепропетровщины, выгонялись на это строительство, как на барщину.

Немного огрызаясь, уходим все дальше и дальше на восток. Вот уже (подумать только!) оставлен чуть ли не весь Донбасс. Но, кажется, немцы все же выдыхаются. Наступление замедляется. Может быть, помогла и осенняя распутица. Дороги развезло. Неожиданно выясняется одно непредвиденное обстоятельство: по проходимости наши машины уступают немецким. Казалось бы, должно быть наоборот, это у нас плохие дороги. А всего на всего сказывается насечка на шинах — у них более глубокая и крупная, чем у нас. Легче преодолевают нашу родимую грязь. Мы же, когда машина застревает, берем своим: «раз, два, взяли!»

Угнетала мысль: почему мы так долго и позорно отступаем? Нас же больше, чем немцев. Почему, как ни стараемся, не можем их остановить? Чем мы хуже немцев? Неужели действительно существует некое арийское превосходство, о котором трубит геббельсовская пропаганда? Да нет же, конечно! Тогда нужно считать, что и другие европейцы, с которыми они так лихо расправились, тоже относятся к низшим расам. Просто немцы хорошо подготовились и за плечами у них богатый военный опыт. Но для нас это — дело наживное. И если уж на то пошло, то и мы можем претендовать на арийское Происхождение.

Дойдя до Ростова и захватив его в конце ноября, немцы останавливаются. Становится холодно, наступает ранняя зима. Теперь черед наших активных действий. И наш первый настоящий успех. Удается взять Ростов и погнать немцев до самого Миуса. Почти одновременно была одержана столь решительная победа под Москвой. Было даже несколько обидно, что на этом фоне наш успех остался почти незамеченным. Мы же не знали и не осознавали всей серьезности складывавшегося там положения. Об этом почти ничего не публиковалось или, во всяком случае, до нас не доходило.

С наступлением холодов выявилось одно серьезное упущение: не учли, что зимой нужно еще и обогреваться. Сначала пытались топить в землянках по-черному — порохом, остающимся после

стрельбы наших гаубиц на короткие дистанции, благо на открытом воздухе он спокойно горит, не взрывается. И приходилось попеременно выбирать между удушливым дымом и холодом. Постепенно все же, кто как смог, обзавелись небольшими железными печурками, которые потом возили с собой и летом. Они сделались по существу как бы частью табельного имущества. Немцы, уповая на скоротечность блицкрига, тоже не позаботились своевременно подготовиться к зиме. Но, спохватившись, организовали промышленный выпуск окопных печек. В документальном фильме М. Ромма «Обыкновенный фашизм» есть эпизод, где Гитлер, проявляя показную заботу о своих воинах, инспектирует их производство. Неплохие печки! Потом они доставались нам в качестве трофеев.

Неудачи продолжаются

Когда была одержана победа под Москвой и был отвоеван Ростов, а вслед за тем проведена успешная Изюм-Барвенковская операция, показалось, что в войне наступил перелом. Ожидали, что к весне подтянутся резервы и общее наступление возобновится. Да и Сталин в своем выступлении к дню Советской Армии пообещал, что 1942-й будет годом изгнания оккупантов с нашей земли.

Не получилось! Немцы взяли Керчь, Севастополь. В Изюм-Барвенковском выступе попала в окружение и практически полностью была разгромлена пытавшаяся было наступать наша 9-я армия, в которую одно время входил и наш полк. Только по опубликованным данным здесь пропало без вести (читай — попало в плен) 75 тысяч человек. Образовалась брешь, через которую хлынули немецкие войска. Это было южнее нас. Мы же тогда начали наступать на Харьков с востока, со стороны Старого Салтова, и поначалу успешно. Уже завиднелись трубы харьковских заводов. Но тут севернее нас прорвалась еще одна мощная немецкая группировка и быстро стала продвигаться в сторону Воронежа. Опять приходится отступать. Снова, как и в прошлом году, эти бесконечные пыльные дороги, забитые несчастными беженцами. Теперь, слава Богу, разрешено и даже рекомендовано в меру возможностей забирать их с собой. Подбираем по пути и отставших пехотинцев, кое-как устраивающихся у нас на лафетах.

Кругом неухоженные поля, поросшие сурепкой и потому ставшие ярко-желтыми. Сплошной желтый ковер. Невольно приходит на ум «Война миров» Уэллса. Там тоже поля приобрели несвойственный им оттенок, только красный — цвет «марсианской травы». Нашествию марсиан нельзя было ничего путного противопоставить. Слишком велико было их военное превосходство. Марсиане погибли от земных микробов, против которых у них не было иммунитета. А на что нам надеяться? Только на самих себя!

После наших зимних успехов и не думали, что такое повторится. Небольшие стычки с отдельными отрядами немцев. Частые бомбежки. Куда девалась начавшая было проявлять активность наша авиация? Купянск, Кантемировка, Чертково. Скорее к Дону пока нас совсем не отрезали. Неужели так ничему не научились, неужели ничего не изменилось? Нет, все же теперь не совсем так. Отступаем, но более организованно. Да и масштаб немецкого наступления не тот, и темпы послабее. Нам удается

ускользнуть от немцев и переправиться через Дон. Переправа почти непрерывно бомбится. Бомбы разорвались на мосту, когда там проходила наша батарея. Нескольких ранило. Одно орудие едва не провалилось вниз и осталось висеть, зацепившись с двух сторон за края образовавшейся пробоины. Казалось, такую многотонную махину невозможно вытащить, нужен подъемный кран. Но все же каким-то чудом удалось это сделать, и движение по мосту возобновилось.

За Доном временное облегчение. Но радости мало. Сколько же можно отступать? Надо же где-то и остановиться. И вот приказ Верховного Главнокомандующего N 227 — «Ни шагу назад». Жесткий и жестокий приказ. В нем откровенно, безо всякой утайки, обрисовано положение, в котором мы очутились. Потеряны основные промышленные и сельскохозяйственные районы. Мы больше не имеем численного и материального превосходства над немцами. Дальше отступать нельзя — потеряем все. Вводились строгие, но оправданные в той обстановке меры вплоть до организации заградотрядов за передней линией (с ссылкой на то, что у немцев, якобы, такая практика давно уже существует).

Впрочем, они почти не понадобились, ибо вскорости стали наступать мы. Особо большое впечатление произвела прямота, с которой, пожалуй, впервые было откровенно сказано, что на самом деле произошло. Это так контрастировало с доходившей до нас ранее официальной информацией! Как могли, старались скрыть или приуменьшать тяжесть наших поражений. Сводки Совинформбюро надо было читать «между строк». Когда, в частности, сообщалось о боях на таком-то (по имени города) новом направлении, это означало, что город уже в руках у немцев (как будто здесь наступаем мы!). В кризисной ситуации, думается, такая прямота, честность действует не менее сильно, чем суровость принятых решений. Приказ был секретный, для комсостава, но немцы тут же его раздобыли и стали сбрасывать к нам в листовках. Дескать, читайте все, что вы еще «трепыхаетесь», сам Сталин сказал, что все потеряно — сдавайтесь. Если так, то они просчитались. Приказ сыграл, несомненно, свою решающую положительную роль.

Конечно, не сразу все изменилось. Все еще продолжаем отступать, но все больше и больше проявляем упорство, цепляемся, если не за каждый клочок земли, то за каждый более или менее подходящий рубеж. А потери растут, как и должно быть, когда приходится отчаянно сопротивляться. В Сталинграде наш дивизион получил более легкую, дивизионную артиллерию и влился в новый полк. Не успели как следует сформироваться, как

поступил приказ немедленно выступить навстречу быстро надвигающемуся с юго-запада противнику. Все пушечные (76 мм) батареи полка, собранные в два дивизиона, спешно были переброшены в район боев и выведены на прямую наводку. И почти все буквально на следующий день были уничтожены прорвавшимися танками. Потом мне довелось увидеть в бинокль поле боя. Страшная картина: выжженная земля, подбитые и раздавленные пушки, обгоревшие трупы. Мало кто остался в живых. Но они до конца выполнили свой долг и как-то задержали противника. Одному командиру батареи удалось вывезти с поля боя единственную оставшуюся пушку. Ох, как это нелегко — под свист пуль и осколков заставить себя оторваться от земли и забраться в машину, являющуюся прекрасной мишенью. Да еще не просто дать- газ, а и подцепить пушку и, поневоле на малом ходу, потащить за собой. Так этого командира, вместо того, чтобы поощрить, чуть было не отдали под трибунал. Почему оставил поле боя без разрешения? А там и спрашивать было не у кого. И стрелять было нечем — все снаряды были израсходованы.

Суровость приказа 227 отзывалась не всегда справедливой реакцией и в других случаях. Недалеко от Сталинграда в процессе передислокации попала под бомбежку одна из наших батарей. Двое погибли, одно орудие было разбито. Командиру батареи тоже грозил трибунал. Зачем остановились в посадке? Знал же, что, если нет явных целей, немцы как раз их и бомбят. А там больше негде укрыться. В чистом поле или на дороге было бы еще хуже — уж совсем на виду.

Того полка, не успевшего как следует сформироваться и враз потерявшего практически все свои пушки и значительную часть личного состава, больше нет. Остались только три гаубичные, 122 миллиметровые батареи (3-й дивизион). Что теперь с нами будет? Принимается решение: доукомплектовать полк такими же орудиями, т. е. сделать его полностью гаубичным. И на этот раз мы в полном составе без промедления направляемся навстречу немцам.

На подступах к Сталинграду

Занимаем оборону вблизи станции Абганерово. Вчера немцы прорвались слева от нас, там, где находится станция, и продвинулись вперед. Если бы это было раньше, т. е. до приказа 227, все бы уже отступали. Но мы остаемся на месте и сегодня, вероятно, очередь за нами. Яркое, солнечное утро. На горизонте появляется туча немецких пикирующих бомбардировщиков, 60 или 70 штук. В штабе армии, куда об этом доложили, не поверили, сказали, что мы выдумываем — столько быть не может. Наших самолетов совсем нет. С бомбежки, как правило, немцы начинают атаку. Вот самолеты перестраиваются в цепочки и идут в пике. Но не на нас, как мы ожидали, а на то же самое Абганерово. Значит, наши не ушли, остались там в окружении. И они отвели удар от нас! Прибывший недавно из Москвы зенитный дивизион, почти полностью укомплектованный девушками, тоже там. У них скорострельные малокалиберные пушки, специально для стрельбы по низко летящим целям. И эти девчонки на наших глазах сбивают один за другим четыре самолета. Те, отбомбившись и не успев еще набрать высоту, пролетали как раз над ними. Два дня идет сражение, два дня немцы не могут взять станцию. На третью ночь оставшиеся в живых прорвались из окружения и вышли к своим. Поистине герои!

А через день — пример противоположного свойства. На пригорке перед нами показалась фигура какого-то военного. Он ковылял, опираясь на палку, и зачем-то стрелял из пистолета в воздух. Помогли ему и привели к нам. Это капитан, командир минометного дивизиона. Объяснил, что отправился на рекогносцировку, а тут как раз пикирующие самолеты. Пуля попала в ногу. Я было заикнулся, что самолеты только бомбили, не стреляли, но он парировал: «На фоне разрывов бомб вы, очевидно, не слышали!». И тут же застонал: «Какая боль, какая боль!». Наш фельдшер обработал рану и перевязал. Выдал ему направление в санбат. Я же обратил внимание, что фельдшер, который сначала проявлял участие к пациенту, когда открыл рану как-то охладел к нему. Даже вроде засомневался и спросил, стоит ли перевязывать. Я не понял — это же его прерогатива решать, что делать. Потом, когда того уже отправили с попутной машиной в тыл, спросил в чем дело. «Похоже, что это самострел», — ответил он, — «края раны покраснели, вероятно, обожжены при выстреле». Да, это так! Я слабо различаю цвета и не смог этого заметить. Но все сходится, один к одному. И пуле неоткуда было взяться, кроме как из его собственного пистолета.

И стал нарочно стрелять, когда увидел нас, чтобы замаскировать следы того, первого выстрела. И командиры, как правило, не отправляются на передовую в одиночку. Тем более на рекогносцировку. Всегда берут кого-либо с собой. И палкой запасся заранее, в степи неоткуда было ее взять. И притворно жаловался на сильную боль. Сразу после такого ранения почти ничего не чувствуешь (знаю по себе). Все было продумано. Это был единственный за всю войну случай подобного рода, с которым мне довелось столкнуться. Приходится опять отступать. Несколько оторвавшись от немцев, занимаем позиции на внутреннем оборонительном рубеже к югу от Сталинграда. Опять такое же спокойное, ясное солнечное утро. Впереди бескрайняя степь. Вдали появляется множество черных точек. Они приближаются. Это немецкие машины, с пехотой или просто крытые. Есть и танки, и броневики. Двигаются открыто, без единого выстрела. Растянулись по всему фронту. Перед нами, насколько хватает глаз, всюду немецкая техника. Что это — «психическая» атака в современном исполнении? Надеются, что побежим? Мы тоже молчим, у нас почти нет боеприпасов и немцы об этом, вероятно, знают. Уже много дней они методически бомбят все пути подвоза к Сталинграду. Немцы вплотную подходят к нашим позициям и останавливаются. Подтягиваются новые подразделения. К вечеру все замирает. Снова такое же чувство, если не обреченности, то неизбежности: завтра они обрушатся на нас. Но приходит «завтра» и… ничего не происходит. Ни у нас, ни у соседей. Лишь отдельные самолеты летают над нами и изредка, словно нехотя, сбрасывают бомбы. В чем дело? К чему вся эта демонстрация? На следующий день нас срочно перебросили на другой участок. И тогда, как мне кажется, все прояснилось. Немцы нанесли мощнейший удар совсем в другом месте. Они форсировали Дон в районе Калача, прорвали нашу оборону и, совершив стремительный бросок, вышли в тот же день к Волге у северной окраины Сталинграда. На нашем же южном участке, значит, была всего лишь имитация подготовки к наступлению, отвлекающий маневр. Впрочем, это всего лишь моя догадка. Каких-либо официальных подтверждений этой версии я не встречал.

Все еще случаются серьезные ошибки и просчеты. На наш участок для подкрепления прислали курсантов одного из военных училищ — из Орджоникидзе. Прибыли они ночью. Не разобравшись как следует в обстановке, курсантов повели строем по «ничейной земле», между нашими и немецкими позициями. А может быть, думали, что ночью и так сойдет. Не сошло! Взвились осветительные ракеты, и те открыли пулеметный огонь. Курсанты

разбежались. Не знаю, какие были потери. Потом мои разведчики туда пробрались: земля буквально была усеяна брошенными скатками, вещмешками, котелками.

В другом месте, это уже происходило днем, пехотинцев с винтовками бросили в атаку на неподавленные пулеметы. Атака была отбита. Вечером я прибыл туда на командный пункт пехоты. Как раз готовилась оперативная сводка. Тягостное впечатление. Поименно зачитывался список личного состава и говорилось, что с кем произошло. В строю мало кто остался. Кто-то был ранен, кто-то пропал без вести, но большинство погибли. Утром увидел поле боя. Лежат неубранные трупы. Торчат несколько винтовок с воткнутыми в землю штыками. Именно к этому призывали немцы в своих листовках. «ШВЗ» — штык в землю — предлагался как пароль для сдачи в плен. Только вряд ли это в той обстановке кому-либо могло помочь.

Сталинград

Немцы вышли к Волге! Для них это имело особое значение: они достигли конечного рубежа, границы «Великого Райха», обещанного Гитлером. Уже почти праздновали победу. По немецкому радио зазвучала специально написанная для этого песня «Wacht am Wolga» — «Стража на Волге», где говорилось, как тоскует по дому доблестный немецкий солдат, охраняя здесь рубежи своей родины. Оставалось «всего ничего» — очистить Сталинград, чтобы прочно обосноваться на Волге.

О Сталинграде много написано. Выделяются, на мой взгляд «В окопах Сталинграда» и «Дни и ночи». Как правильно передано то, что тогда творилось у нас! Нет ни фальши, ни ложного пафоса. Все, как было. В. Некрасов сам воевал в Сталинграде. К. Симонов же, как у нас говорили, в самый тяжелый период обороны побывал там.

С трудом, опять-таки по слухам, добился разрешения перебраться на правый берег. К тому времени это было сопряжено с большим риском. Он пробыл всего один или два дня. Но для такого мастера достаточно, чтобы понять и прочувствовать, что в действительности там происходит. Немцы намеревались взять Сталинград целехоньким, с ходу. Во всяком случае, даже приблизившись, сначала почти его не бомбили. В своих листовках призывали население не уходить и не дать разрушить город большевикам. Но когда поняли, что так просто захватить Сталинград не удается, сами приступили к его уничтожению. Несколько дней подряд, начиная, если не ошибаюсь, с 23 августа, над нами нескончаемым потоком пролетают немецкие бомбардировщики. Огромные столбы дыма вздымаются над городом. Сколько досталось мирным жителям! Многие, как и в других местах, не хотели покидать свои дома. Мы появились в городе, когда центр был уже полностью разрушен. Но на окраинах почти все сохранилось и люди там продолжали жить. У ворот Тракторного разговорились с подошедшей молодой девушкой. Сказала, что не собирается уходить, надеется, что все обойдется. Для нее не обошлось! Не успела далеко отойти, как посыпались бомбы. И все, больше не поднялась. Мне до сих пор помнятся душераздирающие крики женщин после одной из бомбежек в пригороде Минина.

Одно время, израсходовав, по-видимому, нужный ассортимент, немцы стали сбрасывать бомбы весом в несколько сот килограммов. Такие бомбы предназначены для разрушения крупных военных и промышленных объектов, которых в городе

почти уже не оставалось. Для поражения живой силы они не столь эффективны. При взрыве образуется глубокая воронка и осколки уходят вверх, обычно причиняя мало вреда. Довелось попасть под такую бомбежку и мне. На землю-то я успел броситься, а вот забираться в ближайший блиндаж уже не было времени. Впрочем, и особого смысла не было. От прямого попадания он все равно не спасет. Я, говоря артиллерийским языком, попал в вилку. Первая бомба разорвалась с одной стороны, и меня прижало снаружи к амбразуре блиндажа. Вторая — с другой, и я был с силой отброшен в сторону. На этом и кончилось. Отделался небольшой контузией.

Наши потери в Сталинграде были огромны. Поступали подкрепления, которые вливались в уже имеющиеся части. Прибыли за все время, насколько известно, и две свежие дивизии. Строгая закономерность — большинство из вновь прибывших выбивается буквально в первые же дни. Новички теряются, не могут распознать, где реальная опасность, а где мнимая. Зато оставшиеся — это железный костяк, на котором и держится город. Нам доводилось поддерживать своим огнем многих. Как-то ночью отправился искать одно из подразделений 10-й дивизии НКВД. С разведчиком и связистом пробираемся вверх по дну оврага вдоль почти пересохшего ручейка, носящего гордое имя — река Царица (отсюда, кстати, первоначальное название города). Осторожно продвигаемся вперед. Никого все нет и нет. Вдруг у нас за спиной где-то наверху длинные пулеметные очереди. Что такое, неужели проскочили передний край? Наши, вроде, должны быть впереди. Может быть, отошли? Остановились. Опять такие же очереди. Кто стреляет: наши или немцы? И вдруг тут доходит: это не выстрелы, это выпущенные немцами разрывные пули попадают в стену разрешенного дома над обрывом. Может быть, специально стреляют так, чтобы ввести наших в заблуждение. Двигаемся дальше и вскоре находим своих. Командир у них — бывший начальник районного отделения милиции, откуда-то из западных областей. Понравился: спокойный, добродушный, совсем не соответствует сложившемуся ходульному образу милиционера. Воевали они хорошо. В самом устье Царицы стоит ныне памятник бойцам этой 10-й дивизии. Вполне заслуженно!

Большую роль в обороне Сталинграда сыграли морские пехотинцы. Моряки сражались особенно яростно. О них ходили легенды, которые, думаю, были недалеки от истины. Говорили, например, о подвигах «отчаянной пятерки» — четверых ребят и одной девушки (как она попала к морякам — загадка). Незаметно подкрадываясь, они врывались в дома, вернее в то, что от них осталось, и забрасывали немцев ручными гранатами.

Рассказывали, что вместо гранат, когда их не хватало, они каким-то образом приспособились бросать обычные 50-миллиметровые мины от миномета. Поначалу, во всяком случае, этой пятерке везло — оставались невредимыми. Иногда задумываешься, почему так получается. Почему те же люди, надев матросский бушлат или поддев только тельняшку (они носили такую же форму защитного цвета, как и все мы), становятся особо стойкими, отважными воинами? Вероятно, много значит сплоченность, общий боевой настрой, сложившийся и поддерживаемый в подразделениях.

Одну из морских бригад постиг, как представляется, бесславный конец. В какой-то мере мне довелось быть свидетелем этому. В начале октября наш полк получил приказ поддержать действия 92-й бригады морской пехоты. Она обороняла тогда один из участков в центральной части города. Мне было дано задание немедленно, дело было вечером, отправиться к ним. Вышли на берег к переправе у поселка Красная Слобода. Напрасно прождали всю ночь. Немцы периодически обстреливали причал, но ни один катер не подошел. Под утро узнали, что бригада оставила свои позиции в городе и находится на ближайшем острове. Вероятно, катера были заняты эвакуацией. Перебрались на этот остров. Нашли командный пункт. Командир и комиссар (или замполит?), как я понял, обсуждают текст донесения о случившемся. Доложил по форме, что я, представитель такого-то артполка, прибыл в их распоряжение. Никакой радости, как в таких случаях бывает, это не вызвало. Наоборот, мне показалось, только прибавило хмурости на лицах. Было сказано: «Выбирай себе НП и действуй по обстановке!». Тут я подумал, что отвод бригады, по существу сдача центра города, не был санкционирован. Зачем тогда подбрасывают им подкрепления, не оборонять же этот пустынный остров? Он и немцам не нужен. И это после приказа 227!

Расположились за кустом на берегу, стали наблюдать. Раннее утро. На той стороне, как раз напротив нас, неожиданно началось движение. Из развалин выходят солдаты и строятся в колонну. Что это немцы, очумели? Так обрадовались успеху, что, забыв об элементарной осторожности, строем отправляются на другой участок? Колонна довольно внушительная, человек 200–300, медленно движется вверх по улице. Ну, сейчас я им задам! Первый мой снаряд разрывается немного левее, на соседней улице. Доворачиваю вправо. Этот уже совсем близко. Надо открывать огонь на поражение. Но почему они не разбегаются, почему никто не пытается укрыться? Присмотрелся. И тут до меня дошло: это никакие не немцы, это наши. И цвет одежды у

них совсем не мышистый, как у немцев. Это — остатки бригады, а возможно, и других находившихся там подразделений. Те несчастные, кого не удалось до рассвета переправить на другой берег и кто теперь оказался в плену. Колонна поднялась вверх и скрылась за перекатом.

О 92-й морской бригаде больше никогда не приходилось слышать. Вероятно, после случившегося участь ее была предрешена. Но теперь уже никто не пытался уходить на левый берег, как бы тяжело ни было. И оказалось возможным то, что раньше и не мыслилось — удерживать, отбиваясь от наседавшего противника, совсем узкую полоску земли, по существу лишь самый берег. И не дни, а недели и даже месяцы. Немцы прошли победным маршем по полям Европы многие тысячи километров, а здесь не смогли преодолеть оставшиеся сотни метров. И никаких особых укреплений. Все те же окопы да развалины.

Мы, хоть и медленно, но отступаем. Уже артиллерийские батареи переправились через Волгу и заняли позиции на левом берегу, вернее, на островах начинающейся здесь Волго-Ахтубинской поймы. Известно, что были возражения на сей счет, ибо это могло расцениваться как нарушение приказа «Ни шагу назад!» Но такое, смелое в той обстановке решение командования 62-й армии, оборонявшей Сталинград, как показала практика, было правильным. С левого берега артиллерия действовала почти беспрепятственно. Да и с доставкой боеприпасов было значительно проще. Наблюдательные же пункты в основном оставались на правом берегу в расположении пехоты. Лишь некоторые, по существу дополнявшие их, были и на левом берегу, откуда открывался лучший обзор. Связь между берегами осуществлялась как по радио, так и по телефону. Как ни странно, но обычный телефонный провод, проложенный в воде, некоторое время исправно служит. Никаких замыканий, утечек тока не происходит. У нас был принят «вахтенный» метод. Дежурная «бригада» для управления огнем и для связи с пехотой направлялась на правый берег на 10–12 дней. Затем ее, иногда поредевшую, сменяла следующая. Переправляться приходилось только ночью, ибо немцы уже позанимали все господствующие высоты в городе. Волга просматривалась как на ладони.

Сталинградская переправа! Это большое испытание. Ходили шустрые бронекатера Волжской флотилии. Немцы и ночью старались не давать свободно плавать. Причалы были заранее пристреляны и по ним периодически открывался огонь. Когда луна, а облаков, помните у Некрасова, практически не было, видно было неплохо. Под вечер же немцы специально поджигали, обстреливая, что-нибудь на левом берегу. На фоне отблесков

пожарищ катера на воде можно было легко заметить. Мы, «пассажиры», располагались на верхней палубе и чувствовали себя неуютно. Укрытия никакого. А мины, ударяясь о воду, рвались неподалеку. Раненые тем же катером возвращались обратно.

Когда противник подошел совсем близко к берегу, наш командный пункт расположился на крутом обрыве над Волгой, невдалеке от Мамаева Кургана. Он служил практически только для связи с пехотой, командные пункты которой находились рядом. Немецкие позиции отсюда не просматривались. Но и немцы нас не видели. Более того, немецкие снаряды и мины вообще нас не доставали. Они пролетали над нами и попадали на кромку берега или в воду. Зато приходилось опасаться своих же. По-видимому, не всегда учитывали как следует превышение правого берега над левым и снаряды, не долетая до цели, утыкались в наш откос, как пули в тире. Кто особенно досаждал, так это наши «катюши» — самого малого калибра (и малой дальности стрельбы), на танкетках. Разброс стрельбы у них большой. Часть снарядов попадала в воду, часть — на плато, к немцам. Но, как представляется, больше всего прилетало к нам, на склон. Сколько ни докладывали по инстанции, все безрезультатно — стрельба периодически возобновлялась. Бомбили же в основном немецкие пикирующие бомбардировщики, которые заходили со стороны Волги. Много бомб попадало в реку. По звуку можно было различить когда бомбы рвутся в воде, а когда на суше. Один раз немцы, по-видимому, уже намеренно использовали особо мощные бомбы, которые они сбрасывали вдоль кромки обрыва. Наш пункт, как и другие, расположенные в середине склона, не пострадал. В основном жертвы были не от прямых попаданий, а из-за того, что обрушивались многотонные массы земли с края обрыва на находившиеся в самом низу блиндажи. Здесь ранее располагался штаб армии. Когда он перебрался на левый берег, там разместились командные пункты полков и дивизий. Блиндажи были добротные, хорошо укреплены, и люди считали себя практически неуязвимыми. Но… их завалило настолько, что далеко не всех удалось откопать. Нужна была мощная техника, которую неоткуда было взять. Да и толком неизвестно было, где именно копать. Так и остались заживо погребенные люди в этих неожиданно образовавшихся братских могилах.

Теплую пищу привозили, когда уже стемнеет. Это было вдвойне радостно. Дожили до вечера, а впереди спокойная ночь. Немец ночью не воюет, если только его не вынудят. Под нами вдоль берега проходила железнодорожная ветка и разведчики

обнаружили на ней вагон с названным так нами сухим спиртом. Что это было на самом деле, — не знаю. Изобретательные умельцы быстро сообразили, как его использовать. Если кусок этого вещества поместить в тряпочку и сильно сжать, то выдавливается бурая жидкость, по запаху и воздействию на «потребителя» вполне соответствующая обычному спирту. Запасы ее были для нас неограниченными. Никто не отравился. Я думаю, это даже оказалось полезным. Вечером — разрядка, расслабление после напряженного дня. Мы были молоды, здоровы и, приняв хорошую, но не чрезмерную, дозу и не думая о завтрашнем, засыпали крепким сном, чтобы наутро проснуться посвежевшими, готовыми к очередным испытаниям. И никаких стрессов, мы о них даже и не слышали! Стрессы, видимо, оставались в тылу. До нас они не доходили.

Прошел слух, что немцы начинают применять отравляющие вещества. Это казалось правдоподобным, потому что другим способом «выкурить» нас отсюда было почти невозможно. Естественно, сразу же подумали о противогазах. Но на всю нашу «вахту» оказался один единственный противогаз — у самого добросовестного, пожилого связиста. Все остальные свои уже давно побросали. Что прикажете делать — дышать всем по очереди? К счастью, слух не подтвердился. Вероятно, где-то от усиленного обстрела обычными снарядами или минами скопилось много удушливого порохового дыма. Вот и приняли за газовую атаку. Такое случалось и раньше.

Сменивший меня на дежурстве один из моих друзей, командир батареи Глуховской, рассказал потом о происшедшем на его глазах диком случае. Рядом с нами находился поврежденный экскаватор, ковш которого возвышался над краем обрыва. И вот какому-то вновь прибывшему артиллерийскому начальнику взбрело в голову, что, он может служить в качестве НП. Заставил залезть туда, как тот не упирался, своего наблюдателя. Прекрасная мишень для находящихся совсем рядом немцев. С тревогой все следили за ним. Меньше, чем через час, его уже не было в живых. Известно, что в первую мировую войну чем-то проштрафившихся солдат в наказание заставляли стоять на бруствере окопа на глазах у противника. Получилось нечто подобное. Только тот, бедняга, ни в чем не был повинен.

С тяжелейшей малярией на несколько дней я оказался в санчасти на левом берегу. Приехала развлекать нас концертная бригада. Как все относительно! Для нас это глубокий тыл, для них — чуть ли не самая, что ни есть, передовая. Самолеты кружат, дымы Сталинграда перед глазами. Мы — все внимание. Бедная певица, то и дело озабоченно поглядывая в небо,

запнулась на первом же куплете. Простодушно призналась: «Я так боюсь самолетов». В ответ — не очень уверенное: «Это наши!» Не знаю поверила ли она или нет, но все же сумела собраться и исполнить свой репертуар до конца. Для нее, несомненно, это был подвиг.

В начале ноября нас неожиданно отозвали из Сталинграда. Мы не могли понять, в чем дело. Как же можно ослаблять такой важнейший участок? Когда очутились довольно далеко к югу, перед позицией, занятой румынскими войсками, решили, что здесь будет отвлекающий удар. Наверное, таким способом хотят ослабить давление на наших в городе. Наступление началось 20 ноября (на день позже, чем на севере). Довольно легко прорвали оборону. Румыны почти не сопротивлялись и чуть ли не строем отправлялись в плен. Только одна зенитная батарея с немецким персоналом, расположенная на высотке за обратным скатом, отчаянно отстреливалась. Было подбито несколько наших танков. Но вот и она смолкла. Путь вперед открыт. К вечеру добрались до какой-то деревушки, где и заночевали. Здесь же оказалось уже сдавшееся, но не взятое по-настоящему еще в плен, какое-то небольшое румынское подразделение. В доме, где мы разместились, появился румынский офицер и начал что-то говорить, перемежая румынские и немецкие слова с отдельными русскими. Сначала никак не могли понять в чем дело. Потом разобрались — он всего лишь просит разрешения переночевать его людям у нас во дворе в сарайчике. Уже было довольно холодно. Он получил разрешение, после чего долго нас благодарил. Подумалось, как легко и просто устанавливаются человеческие отношения между вчерашними смертельными врагами.

Через день, продвигаясь вперед и практически не встречая сопротивления, достигли Абганерово, той самой станции, где четыре месяца тому назад пытались сдержать немцев. На той же сцене, только роли переменились. Мы тогда хоть сопротивлялись. Противник же здесь просто бежал. На станции — железнодорожные вагоны, судя по надписям, не только из Германии, но и из Франции, Бельгии, чуть ли не со всей Европы. Как они успели за столь короткий срок перешить железнодорожную колею, восстановить взорванный мост через Дон в Ростове? Какая организованность, деловитость! Наверное, нам такое не под силу. Вот уж неверие в наши возможности! Когда прижмет, мы все можем. В Крыму в 44-м только-только взяли Севастополь, как стали готовиться к погрузке в эшелоны. Оказалось — железная дорога уже работает.

За три дня нашего наступления кольцо вокруг немцев в

Сталинграде сомкнулось. Противник окружен. Большущий ломоть отхватили. Не подавимся ли? Сколько раз уже обманывались в своих надеждах! Сами немцы вначале не осознавали серьезности создавшегося для них положения. В мои руки попал приказ немецкого командования, в котором анализировались итоги первых дней нашего наступления. Говорилось, что противник, т. е. мы, собрав последние резервы, сумел достичь большого численного превосходства и только поэтому добился временного успеха. Подробно, и в основном правильно, рассказывалось о тактике наших наступательных действий. Резюме же такое: ничего практически не изменилось, русские остаются такими же плохими вояками, как и были. Они по-прежнему не могут противостоять немцам, даже когда силы равны, и легко обращаются в бегство. Скоро наступательный порыв русских иссякнет. Надо немного продержаться. Уже идут на выручку окруженных достаточные силы.

Нас они все еще пытались запугивать. Бросали листовки, в которых говорилось, что их рубеж обороны в Сталинграде — это, как сейчас помню, «шахматная доска смерти», через которую никому не перебраться. Что будто бы и мы тоже находимся в окружении и нам в самый раз пора сдаваться. И для пущей убедительности картинка: мы находимся в кольце, из которого только один выход — на запад, где почему-то восходит солнце. Видимо, много листовок было заготовлено впрок и немцам жалко было их просто так выбрасывать.

Прогрызать немецкую оборону в Сталинграде действительно было нелегко. Противник занимал укрепленные, нами же подготовленные рубежи и сдаваться не собирался. Одна за другой следовали атаки и все почти безрезультатно. В одном месте, мне рассказали, какие-то подразделения в открытую пошли в наступление издалека. Когда же приблизились к противнику, оказалось, что там проходит траншея, в которой уже сидят наши. Сюда был скрытый доступ со стороны. Хорошо еще, что немцы экономили боеприпасы и не очень стреляли.

На выручку осажденных двинулась мощная танковая группировка генерала Манштейна. Мы как раз находились на ее пути. Уже стали доноситься с юга звуки приближающегося боя. Собирались прорываться навстречу им и окруженные немцы. Нам грозило очутиться между двух огней. Стали готовиться к круговой обороне. Еще неизвестно, чем бы все это закончилось, если бы не 2-я гвардейская армия, брошенная, как известно, вопреки первоначальному плану, против Манштейна. Она помогла остановить немцев и заставила их отступить. По существу это и был поворотный момент в войне для нас.

Нелегкие успехи

Сталинград был переломным этапом, но еще, так сказать, в территориальном смысле. Мы перестали отступать и начали теснить противника. Но утверждать, что стали воевать лучше немцев, на мой взгляд, было нельзя. Все еще часто случались неудачи и притом серьезные. С трудом и не сразу доводилось преодолевать подготовленную немецкую оборону. Наши успехи все еще давались ценой больших потерь. Многие атаки захлебывались. Четвертый мех-корпус, который входил в нашу же 51-ю армию, зимой 43-го, вырвавшись вперед, с хода преодолел Миус и оказался в окружении. Мало кому удалось выбраться. Попал в плен и бывший командир нашего полка В.Чиликин, назначенный недавно командующим артиллерией этого корпуса. Он снискал в полку всеобщее уважение. В нашей полковой песне мы именовались тогда не иначе, как чиликинцы-гвардейцы. Летом 43-го были две неудачные попытки наступать на том же Миусе. И лишь с третьего раза, когда после разгрома немцев на Курской дуге над их донецкой группировкой нависла угроза с севера, удалось прорваться и нам.

Как радостно встречали нас жители освобождаемых районов. Мы находились в станице Аксайской, неподалеку от Ростова, когда по радио услышали, что город взят (это во второй раз — зимой 43-го). Мне хотелось найти своих знакомых ростовчан и я вызвался поехать туда проверить. Отправились на машине по заснеженной дороге. Обогнали группу пехотных разведчиков. Все в белых халатах, идут медленно, осторожно, с автоматами наготове. Мы помахали им ручками и поехали дальше. Своих не нашел. Их дом в пригороде Нахичевань разрушен. Соседи сказали, что они успели эвакуироваться. Тут же сбежалось множество народу. Обступили со всех сторон, задают уйму вопросов. А то и просто хотят поглазеть на нас, побыть вместе. Пришлось подняться в кузов машины и оттуда вести разговор. Состоялся импровизированный митинг. Люди волновались, что будет дальше. Я уверенно заявил, что теперь беспокоиться нечего. И сил наших достаточно, и воевать мы научились. В третий раз немцы сюда не придут. Все не хотели нас отпускать. А в это время неподалеку звучали пулеметные очереди. Какие-то немцы еще оставались в городе. Как-то потом, в Донбассе, на машине разведывали дорогу Немцы только что ушли. Навстречу семья: отец, мать и две дочери 10–12 лет. Тащат свой скарб. Увидев нас, бросаются к машине, размахивают руками, что-то кричат. Останавливаемся. Может быть, хотят предупредить, что дорога

заминирована или впереди немцы? Совсем нет! Они прятались недалеко в заброшенной шахте и сейчас возвращаются домой. Мы первые, кого они встретили. Просто не могли сдержать своих чувств. Обнимают, целуют, плачут от радости. И у нас самих чуть ли не слезы на глазах. Правда было не всегда так. Мы продолжаем наступать. Прошли уже весь Донбасс. Поздно ночью на машине с разведчиками попадаем в Красноармейск. Городок только что подвергся страшной бомбардировке. Перед этим там находилась прорвавшаяся вперед механизированная бригада и, очевидно это и послужило причиной налета. Но немцы опоздали наших там уже не было. Все досталось бедным жителям. Еще пылают пожары. Улицы перегорожены завалами. С трудом пробираемся. В одном из уцелевших домиков тускло светится окошко. Заходим. Две молодые женщины сидят при керосиновой лампе. На лицах — испуг. Естественно после того что пережили! Пытаюсь успокоить, ободрить. Все так же настороженно смотрят. И вдруг совершенно неожиданно:. «Ну что и вы тоже водку будете требовать?» Я опешил. Бедные женщины, это наши их так напугали. Похоже, не меньше чем бомбежка. Не знаю что там происходило, только они с горечью все повторяли: «Разве мы виноваты, что попали в оккупацию?» Потом, когда за столом мирно распивали чаи уже искренне, от души, предлагали все же налить по чарочке Но я в создавшейся ситуации не мог такого себе позволить и с благодарностью, но твердо отказался. Находившийся вместе со мной разведчик был явно этим огорчен. Были еще тяжелейшие бои на рубеже реки Молочная, под Мелитополем. Не удалось с хода прорваться в Крым через Перекоп. Обиднее всего — уже почти полностью завладели Турецким валом, казалось, дорога в Крым открыта. Да нет, все застопорилось. Наш полк не участвовал в этой операции. По слухам, прорвавшиеся части были остановлены двумя немецкими бронепоездами, открывшими ураганный огонь. Так это или не так — трудно судить. Но в обороне на Турецком валу просидели всю зиму — наши в центре, а немцы по краям, у обоих берегов. Невольно приходило на ум неутешительное сопоставление: немцы в 41-м почти беспрепятственно прорвались здесь в Крым.

Но вот уже через полгода в том же Крыму мы ощутили свое несомненное превосходство. Не только в силах, но и в организованности, оперативности принятия и исполнения решений в соответствии со складывающейся обстановкой. И потери наши теперь стали несомненно меньше, и в плен к нам попадало значительно больше.

Если посмотреть на карту, то движение фронта за войну можно уподобить колебанию маятника, закрепленного в самой

верхней точке, на севере. Наибольший размах колебаний — на юге, где довелось воевать нам. Сперва качнулись в одну сторону, от Бессарабии до Сталинграда, а затем, постепенно набирая скорость, обратно. Для нас война в основном была маневренной. Может быть и не простой, но зато интересной. Впечатлений уйма. Не сравнить с долгим сидением в окопах. И было еще одно преимущество. Не очень хорошо это подчеркивать, когда люди в тылу голодали, но мы не испытывали недостатка в продовольствии. И так действующая армия снабжалась неплохо. А тут еще дополнительные возможности. Когда отступали, мы уходили последними и оставляемые склады были открыты для нас. Когда наступали, мы приходили первыми и богатые трофеи доставались нам.

Соратники

Находясь под впечатлением не так давно прочитанной книги «На западном фронте без перемен», я все ожидал, что и у нас наступит такое же внутреннее опустошение, душевное огрубление, как это было у героев Ремарка. Но ничего подобного не случилось. Наверное потому, что мы, в отличие от тех, отчетливо сознавали, во имя чего воюем. Конечно, на войне исчезают или притупляются некоторые ненужные привычки, стремления. Но основные человеческие качества сохраняются. А добрые чувства дружбы даже обостряются. «Дружба, закаленная в боях» — это сделалось штампом. Но ведь это правда! На фронте практически не было ссор, зависти, нетерпимости к тем, кто в чем-то случайно и ошибся. Обычные, свойственные людям недостатки и слабости, как правило, исчезали в той обстановке, перед лицом того, что действительно было существенно и необходимо.

А сейчас я в некотором затруднении. Хотелось бы написать о подвигах моих друзей. Но что писать? Все они вели себя достойно. Почти по Толстому можно отметить, что на войне все нормальные, порядочные люди в своих поступках похожи друг на друга. Стоит ли писать о каждом из них примерно одно и то же — проявлял чудеса храбрости, уничтожил и подавил такие-то и такие-то цели. Лучше просто указать, что подвиги на фронте — это, прежде всего, неуклонное и умелое исполнение своих обязанностей в любой, какой бы то ни было сложной и опасной обстановке. Когда чувство долга превозмогает чувство страха. И этим все будет сказано. Вероятно, многим покажется такое определение недостаточно выразительным. Но, в конечном счете, именно за это на фронте, в подавляющем большинстве случаев, и награждали. Не выдумывать же что-то несусветное, вроде того, что как-то написали в газете о получившем награду машинисте паровоза. Он, дескать, при бомбежке умело маневрировал и, уворачиваясь от бомб, довёл состав до назначенного пункта в целости и сохранности.

С кем-то приходилось непосредственно делить ратный труд, кто-то чаще всего был рядом. А кто-то был чуть подальше. Теперь же чувствую, что почти все бывшие однополчане мне одинаково близки и дороги. Не хочу никого выделять из оставшихся в живых. Кого-то можно ненароком и обидеть. Лучше расскажу о тех, кто не вернулся.

Алексей Холод начал войну кадровым офицером, самого маленького звания — младший лейтенант. Буквально только-

только окончил военное училище. Я пишу кадровый скорее по привычке. Ибо, в отличие от мирного времени, никто там не делал различия между кадровыми и нами, приписниками. Люди здесь ценились по своим нужным для войны качествам, а не по степени, скажем, знания войсковых уставов или наличию строевой выправки. Все мы в равной степени были кадровыми. Алеша производил впечатление угловатого, стеснительного человека. Когда началась война, ему поручили сопровождать эвакуирующиеся на восток семьи командного состава. Подумалось, что выбор — не самый удачный. Были же другие, более напористые, более изворотливые.

Наш полк предполагалось перебросить на юго-западный фронт туда, где сразу же создалась критическая обстановка и нужны были подкрепления. Об этом сказали Алеше, чтобы он знал, где нас потом искать. Но пока собирались, пока готовились к погрузке в эшелон прошло несколько дней. Положение еще больше осложнилось. Немцы заняли Жмеринку, Вапнярку — те самые станции, куда должны были направляться наши эшелоны, и начали заходить нам во фланг. Ехать уже никуда не надо, они сами приближаются к нам. И мы, переправившись через Днестр, тут же и остались в обороне. Затем поспешное отступление по единственному неперерезанному еще пути отхода на Николаев. Большая неразбериха тех дней. Никак не думали, что Алеша вернется, как вдруг он все же объявился в полку. Как ему удалось нас найти? И с заданием по эвакуации четко справился. Значит, он совсем не такой, каким поначалу казался. Просто он человек скромный и не любит себя афишировать. Но, как потом неоднократно подтверждалось, деловой и в нужные моменты весьма решительный.

Были разные эпизоды, в которых отличился Алексей. Как-то на ничейной земле перед нами оказались две кем-то брошенные при отступлении машины ЗИС-5. В полку как раз не хватало транспорта. И вот несколько смельчаков, включая Алексея, подъехали ночью на тракторах и утащили их буквально из под носа у немцев. Те то ли не успели отреагировать, то ли шум тракторов приняли за грохот наших танков и затаились, готовясь отражать «нападение». О наградах тогда при общих неудачах на фронте не было и речи.

Это было зимой, в Донбассе, когда заметили, что Алеша неравнодушен к одной из медсестер — Оле. Она была славной миловидной девушкой, и чувство его можно было понять. И Оля, как мы видели, тоже симпатизирует ему. Но насколько он уже успел проявить свою храбрость в бою, настолько здесь был робок и нерешителен. Может быть, это и не совсем хорошо, но мы в

меру возможностей старались помочь их сближению. Все же долго, очень долго не мог он набраться смелости объясниться с ней.

И вот лето 42-го. После неудачного наступления на Харьков мы опять отступаем. Движемся днем и ночью. Вдруг оказывается, что впереди дорогу перерезали немцы. Остался узкий проход сбоку, который завтра, наверное, совсем закроется. Полк поворачивает туда. И тут выясняется, что батарея Холода (он уже комбат!) где-то затерялась. Со своими разведчиками на полуторке отправляюсь на поиски.

Теплая украинская ночь. Одурманивающий аромат степных трав. К лунному свету добавляются зарева пожарищ, вспышки сигнальных и осветительных ракет, пунктиры трассирующих пуль в небе. Феерическое зрелище. В другое время так бы и любовался всем этим. Однако надо же быстрее найти заблудившуюся батарею. Слава Богу, теперь мы можем ехать с включенными фарами на полной, насколько позволяют проселочные дороги, скорости. Наконец-то, нашлись. Ничего не подозревая, движутся прямо в лапы к немцам. Останавливаю колонну. Впереди Алеши нет. Говорят он сзади, на прицепе для боеприпасов. Вот тебе и на! Неужели спит, когда в любой момент всего можно ожидать? Нет, совсем не то. Оказывается, он там с Олей. Она теперь медсестра в его батарее. Все-таки прорвалась любовь. Может быть, в самый неподходящий момент. И ей совсем нет дела до того, что творится вокруг. Разве только то, что ночь хороша. Алеши не видно. Значит ему даже не пришло в голову поинтересоваться, почему остановилась колонна. С трудом докрикиваюсь до него. Появляется из-за борта его, смущенно улыбающееся лицо. Оля не возникает. Объясняю в чем дело. Чувствую, что до него все это мало доходит. В конце концов, он говорит: «Олег, будь другом, объясни им, пожалуйста, сам, как надо ехать. Мне что-то не хочется вылазить». И опять скрывается за бортом. И вскоре — Сталинград. Сплошная мясорубка. В минометном подразделении по соседству повыбивало всех командиров. Просят временно поделиться кем-нибудь из наших. И именно хорошо соображающего Алексея, может быть, еще и потому, что он всегда безотказен, направляют туда. Он быстро овладел минометной наукой. В обычных условиях, наверное, на это потребовались бы месяцы. Шуму и грохоту на передовой предостаточно. А тут еще минометы рядом. По телевизору, вероятно, все видели, как минометчики закрывают уши руками при выстреле. Не знаю уж почему — то ли неплотно закрывал уши, то ли вообще не до того было, но когда он вернулся, оказалось, что он плохо слышит. Самолеты непрерывно над нами кружат, но на них не обращают

внимания. Это ставший привычным фон. Только, когда слышишь близкий вой летящих к тебе бомб, надо реагировать — бросаться на землю. Алеша из-за своей глухоты чуть-чуть запоздал и осколок угодил ему в живот. По тем временам, когда еще не было пенициллина, это практически означало, что фатальный исход предрешен.

Помню лежащего на койке с посеревшим лицом Алешу, Олю, склонившуюся над ним. Алеша слабым голосом жалуется на то, что немеют ноги. Оля делает укол и впрыскивает очередную порцию какого-то снадобья. Безнадежные попытки что-либо сделать. Два или три дня — и Алеши больше нет. Остался только в нашей памяти. Как и Оля рядом с ним. Короткая любовь, недолгое счастье. Лишь память надолго. Да и то пока мы живы.

Через несколько месяцев погиб еще один мой хороший товарищ, Лева Фридман. Он служил начальником связи того же дивизиона, где я был тогда начальником разведки, и мы много общались. Он из Днепропетровска, участвовал в его обороне и немало рассказал интересного. После неудачных попыток сдержать прорвавшегося там противника его подразделение оказалось отрезанным от своих. Пришлось долго выбираться из окружения. Чтобы скрыть свою неприемлемую для немцев национальность, Фридман завел усики и стал выдавать себя за грузина. Нужно было опасаться и своих.

Погиб он под Ростовом, когда мы попали под целенаправленную бомбежку. Единственной заметной с воздуха мишенью была наша машина, одиноко стоявшая на заснеженном берегу Дона. К ней и устремились появившиеся Ю-87. Все мы бросились на землю и уцелели. А он один остался стоять, наблюдая как те пикируют. Может быть, рассчитывал, что удастся увернуться. Машина практически не пострадала. Всего лишь один единственный осколок пробил фанерные стенки кузова. И это на двенадцать-то бомбардировщиков, хваленых, пикирующих! Да притом еще один из них был подбит и пилот вынужден был посадить его рядом с нами на поле. Но тот же злополучный осколок угодил Леве в голову.

Немало друзей погибло. А Толя Танатар, мой бывший партнер по волейболу, в самом начале войны попал в плен. Он был командиром взвода управления. Похоже, не освоился еще со строгими фронтовыми требованиями и не организовал как следует наблюдение и вообще службу на НП. Немцы на бронетранспортере неожиданно подъехали к ним и всех забрали. Потом оттуда пытались вызвать нас по радио. Отвечать было запрещено.

Незадолго до войны на срочную службу были призваны те,

кто пользовался до этого отсрочкой. Это бывшие студенты вузов и специальных училищ. Многие попали в наш полк. Были среди них талантливые ребята: музыканты, художники, поэты. Сержант Борисов обладал удивительно приятным голосом. Услышав по радио, как поет Козловский, он с благоговением сказал: «Это мой учитель». А прекрасный пианист, к сожалению не помню фамилии, которому так и не довелось сыграть обещанные мне 10 вальсов Шопена! Почти все они нашли свое место на войне, показали себя храбрыми, толковыми воинами. И большинство остались там. Из нашего полка в Параде Победы принимал участие сержант Бочарашвили. Высокий, статный, вполне подходящая фигура для такого парада. Но главное — он был действительно отличным, поистине бесстрашным воином и хорошим, доброжелательным товарищем. Ему, чуть ли не единственному в полку, командование предоставило по-настоящему довольно приличный отпуск. Заслужил! А для чего именно (никто не угадает!): он поехал домой в Грузию жениться. Случилось так, что погиб его старший брат, а по местным обычаям по прошествии какого-то времени ему надлежало взять вдову себе в жены. А у Бочо (так его все звали) была своя любимая девушка, которая его ждала. И, если бы он на ней не женился тогда, то потом было бы поздно. Пришлось бы подчиниться обычаю.

Были у нас и бывшие уголовники. Воевали они, как правило, Достойно. Уголовное прошлое никак не проявлялось, и на них можно было вполне положиться. Были среди них интересные люди. Наш телефонист, в прошлом обычный вор, обладал удивительной, уникальной памятью. Знал наизусть много книг. В землянке в Сталинграде по вечерам, когда наступало затишье, пересказывал по частям очередной роман (он произносил это слово с ударением на первом слоге) — «Граф Монте-Кристо». Это была его тюремная, как можно понимать, высоко ценимая в камерах специальность.

У комбата Команденко в ординарцах служил хороший симпатичный парень. Веселый, расторопный. Все распевал, помню, популярную на фронте песенку «Второй стрелковый, славный взвод теперь моя семья». И это действительно было так. На батарее все жили, как одна большая дружная семья. Оказалось — он тоже вор, причем высокой квалификации. Специализировался на кражах чемоданов в поездах. У него не было секретов от комбата, а тот потом конфиденциально поделился со мной. По завершению Крымской кампании он получил письмо от своего бывшего старшего подельника. Тот писал: «Война кончается, дальше и без тебя разберутся. Пора

возвращаться к нам и приниматься за дело». Вскоре он исчез.

Вопреки сложившимся представлениям о людях этой профессии должен сказать, что хорошую память по себе оставил погибший до моего прихода в этот полк, т. е. до Сталинграда, первоначальный уполномоченный Смерш. Я его знал только по рассказам. Когда в полку появились связистки, он специально предупреждал, чтобы не приставали к девушкам. Иначе придется иметь дело с ним! Потом был другой, в принципе неплохой человек. Держался со всеми ровно. Никаких «шпионов» в полку не выискивал. Но вот по отношению к женскому полу не пошел по стопам своего предшественника. Скорее, наоборот. Как-то появился среди нас с царапинами на лице. Обстрела поблизости не было, и на наши недоуменные вопросы только смущенно улыбался. Как вскоре выяснилось, это было результатом безуспешной попытки завоевать расположение одной из наших девушек.

Немного было таких, о ком, если думаешь, то далеко без теплоты. Опять-таки, вспоминая Толстого, скажу: каждый из них-отличался в своей непорядочности по-своему. Удивительно, как совершенно открыто, даже с оттенком гордости, один лейтенант рассказывал о подлостях, которые он совершал. О том, в частности, как перед будущей тещей оклеветал хорошего человека (они служили в одном полку) и завладел, таким образом, его невестой. И война его ничуть не исправила. Это он выгнал ту девочку, дочь офицера из Ханко, которую мы подобрали при отступлении. Стремился кого только мог унизить, оскорбить. Один из его подчиненных, сержант, который не мог терпеть оскорблений и в открытую ему возражал, вдруг исчез. На мой недоуменный вопрос, когда я вернулся с НП, лейтенант невозмутимо ответил: «Я его расстрелял, он не выполнил моего приказания». На передовой, в бою, такое возможно, и то в исключительных случаях… Но это было не в бою и не на передовой. Он очень много и обидно ругался. И был патологическим трусом. Может быть, это и не общее правило, но не слишком ли часто трусость и подлость шагают заодно? Панически боялся бомбежек. Как-то, выскочив из хаты и увидев самолеты, совсем потерял голову и на глазах у всех залез в бочку под водосточной трубой. При передвижениях, из-за боязни воздушных налетов, следовал не в общей колонне, а ехал на своей машине отдельно, какими-то кружными, проселочными тропами. В конце концов, чего боялся, на то, как говорится, и нарвался. Погиб при бомбежке на переправе. Ее не объедешь стороной!

И еще об одном — старшем политруке. Был он в принципе культурным, образованным человеком. Внешне интеллигентный,

не ругался, никого открыто не оскорблял. К людям мог относиться вполне доброжелательно. Но трусоватый и тщеславный. И далеко не искренний. Помню, как перед наступлением в Донбассе на Сталино патетически призывал: «Вперед, завоюем для полка имя Сталинского!» Вряд ли он сам допускал возможность такой подмены понятий. (Это у него произошел конфликт по пустяку с сержантом Денисовым. Нет, не расстрелял, но именно он отправил его в штрафной батальон. Там только подивились, когда узнали в чем дело. Но вынуждены были, никуда не денешься, принять.) Старательно охотился за орденами. В Крыму мы пошли на штурм Сапун-горы, а он поехал в тыл, в штаб армии за кинокартиной. Нашел подходящее время! Потом отправил по инстанции жалобу, — почему его не представили за эти бои к награде.

Были и такие, кто случайно оказывался на тех или иных командных должностях. Под Сталинградом командиром дивизиона к нам назначили капитана интендантской службы. В принципе хороший, порядочный человек. Посчитал, что лично он должен идти в пехоту, которую нам надлежало поддерживать. Другие, как правило, ограничивались посылкой меня одного. Отправились вместе. Натерпелся я с ним! Чуть только обстрел, даже не очень близкий — ляжет и лежит. В конце концов, приходилось довольно грубо, бесцеремонно его поднимать. Когда вернулись, сказал мне: «Нет, я не гожусь для этого, попрошу, чтобы меня отозвали». Все же думаю, если бы он остался, привык бы и сделался бы нормальным полевым командиром. Это только неисправимый трус боится признаться в своей слабости.

Прислали другого, похоже, бывшего советского работника местного масштаба. Полная противоположность тому. Вообще мало чего боялся. Но, к сожалению, и мало что соображал. Из-за него чуть было не попались к немцам.

Отправились на новое место дислокации. Все командование дивизиона он взял с собой в машину. По моему расчету, уже давно должны приехать на место, а мы все едем. Машина крытая, снаружи ничего не видно. Вдруг слышим резкие звуки пушечных выстрелов. Машина останавливается. Мы выбираемся и видим: перед нами два немецких танка, а от них с перекошенным лицом бежит наш комдив. Он думал, что это наши и пошел выяснять почему они стреляют в нашу сторону. Очередной снаряд разорвался в машине. Осколки разлетелись, поднимая фонтанчики пыли вокруг нас на дороге. Тут еще открыли огонь и появившиеся автоматчики. Еле ноги унесли. А в машине так и остались двое не успевших выбраться. В том числе и его ординарец, который был с ним с самого дома, из родного

Копейска. Все сокрушался потом: «Что я скажу его маме!»

Как-то он явился ко мне на НП, на самую передовую. Тут же заявил, что, поскольку он здесь, то я, начальник разведки, должен быть еще дальше. А дальше — ничейная земля. Нас от немцев отделял довольно глубокий и широкий овраг. Пришлось, в неизменном сопровождении разведчика, спуститься на дно оврага. И тут я понял, в каком выгодном положении мы очутились. Здесь было тихо и спокойно. Мины и снаряды пролетали высоко над нами. И никто тебе не отдавал нелепых приказаний. Делать было нечего — все равно снизу ничего не видно. И я после предыдущих бессонных ночей преспокойно уснул.

Глуховской, помню, в чем-то ему возразил. Тот вытащил пистолет и по иезуитски пригрозил: «У тебя дырочка на гимнастерке где, справа?» Там был орден. «Сейчас сделаю тебе дырку слева». Позже он, спьяну, выстрелом из пистолета ранил солдата комендантской службы на переправе в Сталинграде. Вскорости его убрали.

Свидание с домом

В 43-м мы все ближе и ближе подходили к моему родному Днепропетровску. Не покидали мысли — что там творится? Где мои родители, сестра? Что с ними? Вот уже вошли в пределы Днепропетровской области. Но, к сожалению, повернули на юг, в сторону Мелитополя. Наконец, долгожданное сообщение: Днепропетровск наш. Услышав по радио поздно вечером, выскочил из машины и на радостях выпустил в воздух всю обойму из пистолета. Стоявший рядом часовой, узнав в чем дело, не мог не поддержать салют автоматной очередью. Кругом переполошились. Мой близкий друг, помощник начальника штаба полка Лебедев потом с небольшим оттенком доброй зависти, как мне показалось, сказал: «Это хорошо, что ты не разучился так живо реагировать». Сам он, по натуре лирик, похоже, из артистических кругов, никогда открыто не проявлял эмоций. Перегорел раньше?

Меня на несколько дней, не сразу, но все же отпустили домой. Благо это недалеко. Собрав изрядный вещмешок продуктов (может быть, напрасно?), с попутной машиной отправился в дорогу. Добрался до Днепропетровска. Его левобережный пригород совершено разрушен. Фюрер установил очередную «границу Райха» по Днепру и определил, что с нашей стороны здесь должна быть зона пустыни. Очень старательно выполнялось это указание Гитлера. Из рассказов Фридмана я знал, что Днепропетровск достался немцам легко. Противотанковый ров, опоясывавший город с запада, был запросто преодолен. Несколько танков сползли вниз, а остальные легко прошли по ним сверху. Мост через Днепр штурмовые группы переодетых немцев, смешавшись с толпой беженцев, захватили неповрежденным. Созданный ими на левом берегу плацдарм не удалось ликвидировать. Противник засел за бетонными заводскими заборами, как за стенами крепости. Лева и участвовал в этом неудавшемся штурме.

Город в основном находится на правом берегу Днепра. Мосты взорваны, но уже успели навести добротный наплавной, на понтонах. По нему даже сумели пропустить несколько железнодорожных эшелонов. Я и не пытался там пройти — наверняка пропускной режим чересчур строгий, могут и задержать. Предприимчивые люди за небольшую мзду переправляли всех желающих на лодках. Сам город пострадал не так сильно, но его центральная часть, великолепный проспект Карла Маркса, весь в руинах. Часть домов не разбита, но сгорела,

немцы перед уходом их поджигали. Слава Богу, не успели все спалить. Вот и наша улица, она неподалеку от проспекта. Издали вижу — наш дом не разрушен. Подхожу ближе — и не сгорел. На нашем балконе стул. Значит, живут! На двери нашего подъезда табличка. Читаю и не сразу могу осознать: «Городской собес. Второй этаж, квартира 4». Как же так, это наша квартира! Значит все, моих нет. А я сразу же отправил сюда письмо своим, как только узнал об освобождении города. Стою, не знаю что делать. Уходить? Наконец, все же решаю подняться наверх, может быть, там что-то скажут. Вхожу в комнату. За канцелярским столом — сухонький старичок. Хочу спросить и вдруг… неужели это мой отец! Почему он здесь? Несмело спрашиваю: «Папа, это ты?» В ответ: «Что вам угодно?» Потом снова: «Я вас слушаю.» Хочу чтобы он сам меня узнал, но не выдерживаю и кричу: «Папа, это же я!» Как он изменился за два года! Видно, действительно старят не столько годы, сколько переживания! Собрались все сотрудники. Отец с гордостью представил им меня, причем, по-старорежимному — «капитан гвардии». Оказалось, немцы их выселили из квартиры и они были вынуждены перебраться в не очень приспособленное помещение поблизости. Теперь же он устроился здесь на работу. Сестру, как и большинство других молодых жителей, заставили уехать на запад. Письмо мое только-только получили. Папа пошел домой, а я отправился за своим вещмешком, который, не зная еще, что меня ожидает, оставил у своего знакомого, оказавшегося со мной в одной лодке на переправе. Мама не могла усидеть на месте и встретила меня, плача от радости, за несколько кварталов от дома.

О моих близких товарищах из нашей дружной университетской компании ничего пока не было известно. Потом узнал: Юра Грибановский, мой самый близкий, самый давний (еще с детского сада) друг, погиб, чуть ли не в первый же месяц войны. Был он очень талантливым физиком. И внешне весьма интересным. Его фотография, как правило, первой исчезала с доски отличников — утаскивали девчонки. А его любимая девушка успела при немцах выйти замуж и вместе с мужем уехать куда-то на запад. Двое других погибли в Сталинграде; а еще один — на Курской дуге. Все они тоже физики и тоже весьма способные ребята. Трагическая судьба постигла Шуру Афанасьева, дома у которого мы часто собирались играть в карты, в ныне полузабытый «винт» (весьма интеллектуальная игра, почти как шахматы). Его жена готовилась стать матерью и они не решились своевременно выбраться из города. Когда пришли за ней (она еврейка), он пытался противиться, возражать: «В таком положении, разве можно!». Бесполезно! Те были непреклонны.

Тогда он надел себе на руку повязку с шестиугольной звездой и отправился вместе с ней. Назавтра их видели в колонне направлявшихся в свой последний путь — к противотанковому рву за городом.

Поначалу немало из остававшихся в городе было настроено к немцам довольно благодушно. А некоторые даже открыто радовались их приходу. Наведут, дескать, теперь порядок. Но вскоре, особенно после той чудовищной акции, отношение к ним резко изменилось. Правда, не у всех. Секретарем комитета комсомола у нас на биофаке был Густав Якубовский, немец по национальности. Помню его яркие, убедительные выступления на комсомольских собраниях. Сделался переводчиком в гестапо. Получил какой-то чин, надел немецкую форму. Принимал участие в допросах. К своим бывшим университетским товарищам относился с подчеркнутым пренебрежением. Однако одному из выпускников университета все же помог устроиться… тормозным кондуктором на товарном поезде. Были и другие примеры активного сотрудничества с немцами среди известных мне людей. А мой бывший соученик по школе, Володя Виллер, решил претендовать на статус Volksdeutsche — натурализованного немца. Это давало значительные привилегии. Напрасно! Едва не поплатился. Когда стали разбираться, возникло подозрение, что он еврей. Пришлось собирать свидетельства знавших его семью и показавших, что они русские.

Беспокойные родители все допытывались: «Не очень ли опасно там?». Я успокаивал — артиллерия ведь стреляет издалека. О своем ранении, которое недавно получил, ничего не сказал. Через день пришлось отправляться в обратный путь.

Крым

В ноябре 43-го нами был захвачен небольшой плацдарм в северной части Крыма за Сивашом. Через Сиваш шли вброд, а батарейцы — толкая еще и понтоны с орудиями и боеприпасами. Потом долгое время все снабжение шло таким же путем. Температура незамерзающей сивашской воды бывала и пониже нуля. Но пусть читатель не думает, что это так уж нестерпимо. Ватники, брюки хотя и промокали, но не подпускали холодную воду к телу. Циркуляции и интенсивного теплоотвода не было. Надо было только сразу же после такого «крещения» переодеться в сухое, да еще и пропустить сто граммов. Практически никто не заболевал. А лечить все равно было нечем, у нашего полкового врача из серьезных медицинских средств был… один только градусник.

На пустынном Сивашском плацдарме просидели в обороне всю долгую зиму и часть весны 44-го. Обычная позиционная война. Хорошо закопались в землю и неплохо себя чувствовали. Вначале погода баловала. Временами бывало так тепло, что можно было загорать на бруствере окопа. Но затем наступили холода. На плацдарме не то что дерева, кустика нет. Стали топить в землянках прошлогодней сухой травой. Трава вскоре кончилась, но изобретательные умельцы и тут нашлись. Начали делать из проволоки небольшие грабельки и выковыривать из земли оставшиеся сухие корешки. Они тоже хорошо горят.

В середине марта на нас неожиданно обрушилась настоящая зима. Началась страшнейшая пурга. Ничего в нескольких шагах не видно. Война прервалась. Тихо, никакой стрельбы. Один румынский повар, заблудившись, на повозке с кухней попал к нашим. Повезло тем, кому достался дополнительный паек. На плацдарме уже давно жили на довольно скудном казенном довольствии. И румыну повезло, для него война кончилась. А метель все продолжалась. Нас в блиндаже завалило снегом так, что выбраться невозможно. От недостатка кислорода становилось трудно дышать. А тут еще один из солдат «проявил инициативу» и стал разжигать печурку. Хотя огонь тут же затушили, но к недостатку кислорода прибавилось еще и появление угарного газа. Сделалось совсем нестерпимо. Хорошо, что телефонная связь не прервалась. С огневых позиций поспешили на помощь и откопали нас. На следующее утро — чистое небо, яркое солнце, но «перемирие» продолжается. Весь день никто практически не стреляет. На передовой ходят в полный рост, не прячась. Многие оказались погребенными под снегом в «лисьих норах» — нишах,

созданных в глубине окопов. Обе стороны заняты откапыванием своих.

Это было самое длительное наше сидение в окопах за всю войну. Долгие зимние вечера коротали, сражаясь в карты, больше всего в подкидного дурака. Подкидной был особый, высокого класса — с «погонами». Надо было хорошо понять расклад карт и угадать возможности своего партнера. Задача же заключалась в том, чтобы, когда твой партнер заставит противника принять свои последние карты, выложить на плечи проигравшим «погоны» — единственно оставшуюся у тебя пару простых шестерок. Конечно, рискованно удерживать их до самого конца, но выигрыш без «погон» вообще не считался выигрышем. В следующем туре переходили к семеркам и т. д. Когда дойдет до конца игры, т. е. до тузов, так и половина ночи закончится.

Плацдарм изобиловал озерами. Одно из них (и только одно!), Айгульское, над которым располагался наш НП, было пресным. Источник пресной воды — бьющий из под земли артезианский фонтан, находился на противоположном, немецком берегу. Такой вот удивительный феномен природы — кругом все водоемы очень сильно засолены, а здесь нормальная питьевая вода. Из этого озера черпали воду и недостатка в ней не испытывали.

На Сивашском плацдарме был убит Ф.Бровко, автор хорошо известной до войны повести «Плавни», которую в школе мы проходили по литературе. Он был в штрафном батальоне, не знаю за что. Погиб даже не в бою. Шальная мина разорвалась рядом, когда он шел на передовую, неся обед для своих.

Была проведена успешная операция по расширению плацдарма. По существу был срезан вдающийся в наши позиции небольшой выступ. В плен попали несколько десятков румынских солдат. Когда их проводили мимо батарей, вышел один из наших командиров, Толя Цуркан, и обратился к ним по-румынски. Никто и не подозревал, что он знает румынский. Впрочем, по фамилии можно было догадаться, что сам он из молдаван. Потом Толя объяснял, что ему стало жалко таких испуганных, несчастненьких, и он решил их подбодрить. Толя был с нами еще со Сталинграда. Доброжелательный, готовый всегда прийти другому на помощь. В Сталинграде встретил девушку, которую горячо полюбил и с которой затем долго переписывался.

К концу зимы был построен мост через Сиваш, капитальный, на сваях. Мост стал основным объектом ударов немецкой авиации. Чтобы воспрепятствовать восстановительным работам, немцы использовали специальные кассетные бомбы (их у нас называли авиаматками), которые в воздухе раскрывались и выбрасывали множество мелких гранат, захватывая большую

площадь поражения. Гранаты, ударяясь о землю или какой-либо предмет, подскакивали и разрывались на высоте примерно человеческого роста. Бедные саперы, укрыться там было негде! Но мост функционировал почти бесперебойно. Обеспечение движения по мосту считалось настолько важным, что, если какая-либо машина застревала, ее просто сбрасывали в воду. Улучшилось снабжение. Стали прибывать на плацдарм механизированные части. Скоро снова наступать. Почему-то о нашем плацдарме, в противоположность Керченскому, в газетах ни слова. Как будто нас и нет. Неужели там, наверху, опасаются, как бы нас не сбросили в Сиваш?

Наступление началось 8 апреля. Поначалу оно шло не слишком успешно. За долгое время обороны противник хорошо укрепился. Только к исходу третьего дня несколько продвинулись в, казалось бы, наименее подходящем месте. Это узкий, длинный перешеек между двумя озерами, как принято говорить — дефиле. Но выход из него преграждала небольшая высота 33,0, которую все никак не удавалось захватить. На других участках было еще хуже. И тут была предпринята отчаянная попытка ночного штурма. Силами одной пехоты, без всякой артиллерийской подготовки. В расчете на внезапность. И расчет оправдался — высота была взята! Тут же, не дожидаясь полного рассвета, в прорыв ринулись танки с мотопехотой. И сразу же наткнулись на перебрасываемую сюда свежую румынскую дивизию. Хорошо, что наши действовали так стремительно. Дивизия не успела развернуться и была не готова к сопротивлению. Танки буквально ее смяли. Перед нами, шедшими следом, предстала ужасная картина. Других резервов у немцев, по-видимому, не оставалось, а перебросить подкрепления было неоткуда. Наступление нашей 51-й армии шло по всему плацдарму. На Перекопе, справа от нас, одновременно начала активные действия 2-я гвардейская армия. На Керченском же полуострове вот-вот должны были выступить части Приморской армии. Насколько можно судить, первоначальный прорыв был осуществлен именно здесь, у нас.

Мы снялись с позиций и, уйдя вслед за танками, оказались в подвижной группе. Такая уж наша доля — полка РГК. Пока «прогрызали» оборону, мы поддерживали пехоту и воевали вместе с нею. Механизированный корпус был по-настоящему в резерве, т. е. не был задействован вообще. Когда же добились успеха, полегчало пехотным соединениям, участвовавшим в наступлении. Противник начал отходить по всему фронту и практически перестал оказывать сопротивление. Нам же пришлось переключаться из одного подчинения к другому и безо всякой передышки идти в прорыв. К тому времени такое переключение

было хорошо отработано и шло без сбоев. Но физическая нагрузка, естественно, для всех была значительной. Зато какое особое, волнующее чувство испытываешь, когда, наконец, устремляешься вперед. С ветерком на машине мчишься по местности, где перед этим был противник, столь привычно знакомой по длительным наблюдением и так же долго остававшейся недосягаемой.

Наша подвижная группа вышла на оперативный простор и стала быстро продвигаться на юг. По первоначальному. плану должны были, пройдя примерно 40 км, к вечеру остановиться. Но, так как противник практически не оказывал сопротивления, командование приняло решение двигаться дальше. Всю ночь шли вперед — мимо татарских деревушек, жители которых тоже не спали и, выстроившись мрачными тенями неподалеку от дороги, молча смотрели на нас. К утру были уже под Симферополем. Остановились в районе Сарабуза, где сходятся дороги из Перекопа и Джанкоя. Только заняли огневые позиции фронтом на север, ожидая отходящих оттуда немцев, как сзади послышался гул заводимых моторов. Оказалось, совсем рядом аэродром. Развернули орудия на 180° и открыли огонь. Не могу сказать, сколько подбили, части самолетов все же удалось подняться. Но если до этого прилетали бомбить 10–12 «юнкерсов 87», то теперь их осталось всего лишь три.

Танки вскоре ушли, оставив с нами человек двадцать пленных немцев. Выстроились они шеренгой на пригорке, смотрят на нас, мы на них. Что с ними делать? И вдруг вперед выходит Толя Цуркан. Неужели он и немецкий знает и будет с ними разговаривать, как тогда с румынами? Но, что это? Толя выхватывает у одного из бойцов автомат и спокойно, словно всегда этим и занимался, начинает стрелять. Один за другим падают немцы. Толя продолжает стрелять. Никто его не останавливает. Я, как и другие, — в каком-то оцепенении. Неужели это наш Толя? Неужели он может так запросто стрелять в безоружных людей? Умом понимаешь, война есть война, может быть, объективно это и правильно. В любой момент могут подойти крупные силы отступающих немцев. Тогда нам придется туго. Пленные — лишняя обуза и лишняя опасность. В автомате кончаются патроны, а один, последний солдат, остается стоять. Взмахивает руками, что то кричит. Может быть, сохранит ему жизнь? Но нет, не раздумывая, Толя вытаскивает свой пистолет и довершает расправу. Изменился ли Толя после этого? Ничуть! Все такой же доброжелательный, отзывчивый товарищ. Все так же восторженно говорит о той далекой девушке в Сталинграде, все так же пишет ей письма. Впрочем, потом он все-таки нашел себе

подругу поближе. А то страшное, синдром палача, скрылось в тайниках его души и больше не появляется. И самое странное, отношение к нему, внутренние чувства мало изменились. Может быть, здесь и сказалось то душевное огрубление, о котором писал Ремарк.

Итак, наш артполк очутился один в тылу противника на стратегически важной развилке дорог в качестве заслона на случай попытки отходящих с севера немцев прорваться к Симферополю. Ни пехоты, ни танков с нами нет. Нужно продержаться, пока не подойдут подкрепления. Положение серьезное. Весь день появлялись отдельные разведывательные группы противника. Но до настоящих столкновений дело так и не дошло. Назавтра начали прибывать передовые отряды нашей пехоты и стало поспокойнее. Основные силы отступавших немцев так и не вышли на нас. Видимо, обошли стороной вдоль берега на Севастополь. За эту операцию наш полк был удостоен наименования Симферопольский.

Перед началом наступления те, кому это положено по службе, предупреждали о необходимости особой бдительности. Говорили, что, по имеющимся сведениям, немцы приступили к массовому отравлению запасов вина. Ни в коем случае нельзя его употреблять. И вот, в первый же день после прорыва, наши бойцы в одном из хуторов обнаружили небольшой винный погребок. Пить не решились. Тем более, что, как сказали жители, там проживал немецкий врач, у которого ядовитые снадобья могли быть под рукой. Но все же пару бочек погрузили в машину. Находчивости нашим солдатам не занимать! Отправились дальше и по пути прихватили с собой первого же попавшегося немца. Вечером на привале наступил кульминационный момент. Объяснили немцу, что он должен отведать вино, которое, как подозревают, отравлено. Немец тут же заявил, что такого быть не может. Ему налили кружку и он без колебаний всю ее выпил. Проходит минута, вторая, третья. Все на него смотрят, с ним ничего не делается. Сколько же нужно ждать, чтобы убедиться в безопасности? Никто не решается начать. Тут взбодренный вином немец протягивает пустую кружку, просит еще налить. Наши не выдержали: ты подождешь, сначала нам. И начался пир, не без участия в нем и пленного. Очень быстро выяснили, что «Гитлер капут!» и что сам он из рабочих, чуть ли не коммунист. Потом некоторое время ездил с нашими, помогал на кухне, в общем, стал совсем своим. А когда пришло время с ним распрощаться, позаботились, чтобы он попал в колонну с немцами, а не с румынами. Ходили слухи, что те, если их большинство, издеваются над немцами.

В поле за Бахчисараем — нескончаемый лес крестов, кладбище погибших при осаде Севастополя два года назад. Такого огромного никогда не приходилось видеть. Кажется, больше всего там лежит немцев. Но есть и итальянцы, и румыны. Воочию видишь, какой огромной ценой достался им город! Недаром Гитлер заявлял, что после Севастополя никакая другая военная задача им не страшна. Через несколько лет, путешествуя по Крыму на машине и показывая своим знакомые места, хотел найти это кладбище. И не смог. Неужели уничтожили?

Вскоре началась подготовка к штурму Севастополя. Организована она была, по крайней мере на нашем участке в районе Сапун-горы, превосходно. Я не мог не нарадоваться. На НП высшего уровня (кажется, корпуса), собрали всех нас, представителей артполков. Договорились о возможных участках сосредоточения огня и определили их на местности. Во время штурма все это понадобилось. В течение дня пришлось преодолевать три линии обороны и трижды, соответственно, открывать массированный огонь. Лишь к вечеру на вершине Сапун-горы был водружен победный красный флаг. Тут же рядом поднялись еще два или три. Заранее ведь было известно, что за это будут удостаивать звания Героя Советского Союза. Наш же полк занесен в список отличившихся, высеченный на мраморной доске в мемориале на Сапун-горе.

Продвигаясь потом дальше, подверглись артиллерийскому обстрелу с севера, где находились части 2-й гвардейской армии, задержавшиеся перед водной преградой бухты. Нас приняли за немцев. Сигнализировали ракетами (обзавелись уже трофейными) — не помогает. Пытались связаться с ними по радио — безуспешно. Стрельба продолжается. Не сразу удалось ее остановить, взаимодействие с соседями налажено плохо. Выходит, рано радовался хорошей подготовке операции — такой ситуации не предусмотрели.

Севастополь был взят 9 мая. Немцы отошли на предэвакуационный рубеж, на мыс Херсонес. Надеялись, видимо, отсидеться, пока их не вывезут. Но такой возможности им не дали. Всего два дня ушло на подготовку к последнему штурму. Перед этим, после непрерывных боев, можно было немного и передохнуть. Расположились на ночь в домике на юго-западной окраине города. Поужинали, и я заснул, как убитый. Утром проснулся совсем свежим. Еще раз подтвердилось, что наркомовские сто граммов (с добавкой) помогают не только от мороза, как первоначально было задумано. А вот мой товарищ, командир дивизиона Зотов, не спал всю ночь. Видно, доза была для него маловата. Немцы почти непрерывно обстреливали нашу

окраину — снарядов не жалко, все равно бросать. А еще и самолеты не раз прилетали бомбить. Он так и просидел в щели за домиком почти все время. Рассказывал, что пытался и меня туда затащить. Куда там, я только мычал и брыкался. Наутро провели артподготовку, и вскоре немцы прекратили сопротивление. Построившись в колонны с белыми полотнищами впереди, направились к нам. Прилетел за кем-то немецкий транспортный самолет. Низко стал кружить над нами, ожидая, видимо, сигнала с земли. Наши, хоть и не сразу, спохватились и открыли такой бешеный огонь из всех видов оружия, что он тут же и рухнул на землю.

Крымская эпопея закончилась. Удивительное чувство — немцев перед нами больше нет. Нет ни стрельбы, ни бомбежек. Не надо куда-то спешить, выбирать боевые позиции, наблюдательные пункты. Поистине, репетиция конца войны за год до ее завершения. Раньше в городе не приходилось бывать, и мне захотелось посетить легендарный Малахов курган. «Проконсультировавшись» с картой, отправился туда. И, конфуз для опытного разведчика, — так и не смог найти. Потом местные ребята меня сводили к нему. Оказалось, находится там же, где я искал. Но какое разочарование! Это всего лишь маленький, невзрачный холмик. Просто не обратил на него внимания. Ребята рассказали, что Малахов курган был местом наших подвигов и в эту войну. Матросы, обвязавшись гранатами, бросались там под немецкие танки. Ребята говорили искренне. И я, обычно несколько скептически настроенный к подобного рода рассказам, поверил. Жаль, что это, как говорится, осталось за кадром. Такая же история, как и в случае с Брестской крепостью! Не принято было тогда особо афишировать рассказы тех, кто пережил оккупацию или побывал в плену. А для Севастополя не нашлось своего С. Смирнова.

Вскоре была произведена депортация татарского населения. Со смешанным чувством наблюдали мы за происходившим, еще даже не зная, что их ждет. Да, татары, если позволительно здесь обобщать, встречали нас далеко не так радостно, как другие. По-видимому, немало было и таких, кто активно сотрудничал с немцами. Но причем здесь женщины и дети? А про себя я еще и подумал: «Неужели так важно отправлять их немедленно, раньше нас?» Наверняка мы сейчас нужнее там, где идут активные действия.

Авиация не так страшна

Вначале немцы обладали неоспоримым преимуществом в воздухе. Это мы сразу почувствовали. Совершенно безнаказанный налет немецкой авиации в первый же день. Ну, пусть там не смогли подоспеть наши истребители. Но через три или четыре дня они бомбят в Кишиневе железнодорожную станцию, где мы грузимся в эшелон, аэродром. Наши истребители, устаревшей конструкции И-16 (мы их ласково называли «ишачками», немцы презрительно «рус фанер»), как встревоженный рой, взвиваются вверх. Однако вместо того, чтобы нападать, просто кружатся в воздухе, стараясь держаться подальше от немцев. У них и скорость мала и вооружены всего лишь пулеметами, тогда как те — скорострельными пушками. Отбомбившись, немецкие самолеты спокойно, без потерь, улетают. И потом все в том же роде.

Но мы верим, что у нас есть и современные самолеты. Те, которые, как заявлялось, превосходят немцев в скорости. Должны же они появиться! И вот, вроде, дождались. На наших глазах изящные, тонкие истребители (это не тупорылые И-16) легко догоняют и сбивают летящие над нами самолеты. Наши сбивают немцев! Мы ликуем, кричим ура. Потом такое же повторяется, и не раз. Однако постепенно закрадываются сомнения. Почему эти «немцы» летят совсем низко над нами и скрываются, если удается уйти, в нашем же тылу? Тут что-то не так! И вскоре открылась горькая истина. Это немецкие «мессершмитты» сбивают наших штурмовиков ИЛ-2. У наших не было тогда стрелка-радиста и они оказывались совершенно беззащитными от нападения сзади. Спасаясь от немцев на бреющем полете, они, видимо, рассчитывали на нашу поддержку. А мы, дураки, вместо этого радовались, когда они падали, а кое-кто даже пытался стрелять по ним. Потом шли разговоры, будто наша авиация отказывается от взаимодействия с наземными войсками. Все равно, ничего путного не получается. Только страдают от своих же. У немцев же на этот счет все отработано. Знают, где свои самолеты, где чужие. И сами четко дают о себе знать. Во всех строевых подразделениях есть сигнальщики, которые при появлении своих самолетов ракетами обозначают передний край. Правда, полезная информация при этом получается и для нас. Как-то, когда мы стояли в обороне под Змиевом, низко вдоль фронта пролетела парочка «мессершмиттов». И перед нами встала буквально сплошная стена сигнальных огней. Было известно, что здесь готовится немецкое наступление. Но такой концентрации войск

никто, думаю, не ожидал.

В листовках, по радио немцы всячески превозносили силу своей авиации. Особенно нахваливали пикирующий Ю-87. Дескать, от него нет спасения. Точность бомбометания, действительно, у него неплохая. К тому же вид довольно устрашающий. Шасси не убиралось. И это делало его похожим на какую-то огромную хищную птицу, выпустившую когти перед тем, как схватить добычу. А при пикировании включалась еще и специальная сирена, разгоняемая встречным потоком воздуха. Громкий вой, сначала низкого тона. Затем по мере приближения к земле и набора скорости — все выше и выше и все громче и громче. У земли это уже какой-то нестерпимый пронзительный визг. Немцы, видимо, думали, что таким образом удастся запугать нас, как, скажем, каких-нибудь дикарей в дебрях Африки. Потом, наверное, убедились, что мы не дикари. Во всяком случае, сирен уже не было слышно.

Вначале мы пытались строго придерживаться установленного порядка в связи с опасностью воздушных налетов. При появлении самолетов противника, если колонна на марше, надлежало прекратить движение, отбежать в сторону и залечь. Но при большой насыщенности авиацией это приводило к тому, что приходилось больше стоять, чем двигаться. Да притом и опасность бомбежек, как оказалось, сильно преувеличивалась. Конечно, авиация может вызывать значительные разрушения. Но в полевых условиях эффект больше психологический: шуму и грохоту много, а последствия не сопоставимы с ними. От строгого выполнения противовоздушных требований вскоре отказались. Иногда же на машине удавалось просто ускользнуть от бомбежки. Ночью из-за опасности воздушных налетов мы должны были ездить совсем без света или с почти полностью прикрытыми фарами. Оставлялись лишь узенькие щелочки, практически ничего не освещавшие. Хорошо еще, если ночь лунная и дорога известная. А если нет? Чуть ли не в первую же военную ночь одна наша машина в темноте налетела на стоявший на дороге трактор (тоже, естественно, без света). Машина разбилась, люди пострадали. Потом иногда приходилось выставлять впереди пешего ведущего с фонариком, за которым плелась вся колонна. И вдруг, как по мановению волшебной палочки, наши ночные мучения прекратились. Может быть, был соответствующий приказ, но до нас он не дошел. Но я отчетливо помню, как в конце ноября 41-го, выехав ночью из Новочеркасска в сторону захваченного немцами Ростова, увидел, как навстречу идут машины с включенными фарами. Никого не спрашивая, мы стали делать то же самое. Это не только облегчило передвижение, но и

подняло дух. Значит, не боимся мы теперь ночью немца. С той поры всегда ездили со светом, и я не помню ни одного случая ночного нападения с воздуха. Летом 42-го, отступая от Харькова к Дону, мы попали ночью в деревню, где располагался штаб одной из сибирских дивизий, прибывавших для прикрытия Сталинграда. Наше появление со светом вызвало негодование — как смеем демаскировать их! А то, что мы, бывалые воины, не боимся ездить со светом, их не касается. Какой-то ретивый командир, недолго думая, отдал распоряжение крушить фары на наших машинах. И несколько фар разбили. Не драться же с ними! Вероятно, общего указания, разрешающего езду со светом, тогда все же не было. Но вот в 43-м, когда мы готовились к наступлению на Миусе, вышел приказ, я сам его читал, уже даже запрещающий ездить ночью без света. Нужно было в сжатые сроки обеспечить доставку боеприпасов и всего необходимого. В приказе говорилось, что езда без света должна расцениваться как проявление трусости и наказываться направлением в штрафной батальон.

Постепенно наша авиация набирала силу. Появились «лавочкины» и «яки», прибывали «кобры» и др. Наши самолеты не хуже немецких стали оснащаться пушками. Единственное различие — в снарядах. Немцы, правильно считая, что истребители должны в основном действовать над своей территорией, снабдили эти снаряды взрывателями самоуничтожения. Если не попали в цель, то, пролетев несколько сот метров, они сами и взрываются. Хорошо были видны возникающие цепочки разрывов в воздухе перед немецкими самолетами. У наших же таких взрывателей не было. Видно, посчитали излишней роскошью. Пролетевшие мимо цели снаряды уходили вниз и взрывались, ударяясь о землю. Как-то мне довелось попасть под такую очередь. Несколько все приближающихся разрывов впереди и продолжение уже сзади. Не успел и броситься на землю. Впрочем, в данном случае это не имело бы и смысла. Во второй половине войны, особенно после Крыма, наша авиация стала заметно превосходить немецкую. И теперь, в отличие от прежнего, мы могли радоваться хорошей летной погоде. Уже не немецких самолетов нужно было опасаться, а рассчитывать на эффективную поддержку со стороны своей авиации.

Белоруссия

По окончанию крымской кампании нас перебросили на 2-й Белорусский фронт, в котором и оставались до конца войны. Стали готовиться к наступлению на рубеже реки Прони. Командиру нашего полка было поручено контролировать подготовку орудий, выводимых на прямую наводку, на участке поддерживаемого нами корпуса. Вообще говоря, это дело начальника артиллерии корпуса. Мы здесь ни при чем, наши гаубицы на прямую наводку не выставляются. Но с начальством не спорят. Нашему же командиру не очень хотелось болтаться по окопам, и он перепоручил это мне. Мне это привычнее, и я и не подумал кому-то еще перепоручать. Пришлось изрядно полазить по переднему краю. Умеем уже воевать! Огневые позиции хорошо выбраны и замаскированы. Пушки спрятаны в укрытии. Цели известны. Полный порядок. А вот у немцев проявляется разболтанность. Стоим, разговариваем с командиром орудия. Вдруг видим, на противоположной стороне какой-то немец наполовину высунулся из окопа. Непонятно, зачем. Рядом находившийся пулеметчик тут же дал короткую очередь, и тот так и остался лежать на бруствере. Быстро и точно. Какие мастера своего дела теперь у нас!

Но все же начальству пришлось побывать на передовой. Командующий корпусом решил самолично удостовериться, что все готово к предстоящим боевым действиям. И он в сопровождении большой свиты отправился туда. Наш командир полка, тоже находившийся при нем, естественно, взял с собой и меня. Поначалу все шло благополучно. Но немцы не могли не заметить такую солидную демонстрацию на переднем крае. Начался минометный обстрел. Здесь проходила опушка леса, и мины взрывались, утыкаясь в ветки. Окопы никак не могли защитить от летящих сверху осколков. Сначала все старались делать вид, что не замечают. Наконец, кто-то не выдержал, выскочил из бесполезного окопа и побежал. За ним врассыпную последовали и другие. Со стороны, вероятно, это было забавное зрелище — солидные, грозные военноначальники, сломя голову, мчатся кто куда. Ненужный, к тому же, небезопасный «спектакль». Не хочу сказать, что командиры высокого уровня не должны лично контролировали ситуацию. Но лучше это делать без свиты. Вот здесь как раз и может по-настоящему пригодиться адъютант.

После прорыва обороны форсировали Днепр и с хода взяли Могилев. Только продвинулись с боями немного дальше, как по радио сообщают: освобожден Минск. Как же так, до Минска еще

150 км и немцы вот здесь, перед нами. Неужели Совинформбюро так упреждает события? Вскоре поступил приказ вернуться в Могилев. И все разъяснилось. Минск действительно взят, а крупные силы немцев к востоку от него остались в окружении. Обходим окруженных с юга и заходим к ним в тыл. Некоторое время они еще пытаются организованно отходить. В мои руки попала немецкая карта с нанесенными на ней строго разграниченными полосами отступления для разных подразделений. Были указаны и сроки занятия тех или иных рубежей. Все четко на бумаге. Однако наши активные действия и труднопроходимость белорусских лесов и болот не дали им возможности это осуществить. Окруженные войска разбились на сравнительно мелкие группы, более или менее самостоятельно пытающиеся выбраться к своим. Своеобразная получилась здесь война.

Находимся в нескольких десятках километров юго-восточнее Минска. Неподалеку, вдоль неглубокой лощины, тянется непрерывная колонна отступающих немцев. Я веду по ним периодический огонь. Они продолжают двигаться — деваться им некуда. Неожиданно на нашу поляну выскакивает с десяток немцев. Это боковое охранение, которое полагается иметь при движении колонны. Пехотное подразделение по соседству открывает по ним огонь. И полковая пушечка здесь же стреляет. Даже я присоединяюсь со своим пистолетом. Немцы, почти не сопротивляясь, поднимают руки. Вот уже и нет у них боевого охранения! Когда все кончилось, оказалось, что один из наших пехотинцев, совсем рядом с нами, убит. Убит в спину, кем-то из своих. Может быть, случайно, а может быть, и нет. Всякое бывает на фронте. Разобраться, как это произошло, и не пытались. Не до того.

Вскоре все смешалось. Никакого четкого фронта, никакого строгого разграничения между нами и немцами нет. Вроде слоеного пирога: тут наши, там немцы, а дальше опять наши. Обстановка меняется чуть ли не ежечасно. И никто толком не знает, кто где сейчас находится. Яркий солнечный день. Жара. В деревушку из лесу высыпала большая группа немцев и сгрудилась возле колодца. Наши орудия недалеко, за бугром. Надо их отогнать, пока не полезли на огневые. Картечи для самообороны у нас нет. Открываю огонь. Прицел, до сих пор помню, 26. Это значит до цели 1300 м. Никогда за всю войну так близко не стреляли. Я — за кустом совсем рядом. Тут и не хочешь — попадешь. Часть снарядов, однако, не разрывается и, рикошетируя и кувыркаясь в воздухе, улетает дальше. Видно, слишком настильная траектория для наших гаубиц. Разрывы

происходят уже при втором приземлении где-то далеко. Немцы убегают. Вроде все хорошо. Вдруг из того направления, куда улетали наши снаряды, появляются танки. Они приближаются и я вижу, что это наши Т-34. Танки стреляют на ходу в нашу сторону. Зачем, немцев уже здесь нет! Передаю на огневую, чтобы не стреляли по танкам: это наши. Те все ближе и ближе. Продолжают вести огонь. Снаряды рвутся неподалеку. Закрадывается мысль: а может быть, это все-таки немцы сидят в наших танках? Что же делать? Они проходят мимо меня и идут на батареи. Огневые расчеты прячутся в ровики. Передовой танк наезжает на одно из орудий, раздавливает его и останавливается. Сержант Бочарашвили, смелый и решительный, первым выбирается из ровика и подходит к танку. «Кацо, что же ты делаешь?» Оказывается, там, куда долетали наши снаряды, стояло танковое подразделение. Решили, что их обстреливают немцы. Хорошо, что мы сами не открывали огонь, проявили выдержку. А вот артиллеристы по соседству (у них легкие 76-миллиметровые пушки) все же подбили один из танков. Броня не была пробита. Но двое или трое из экипажа были ранены отскочившими внутри от нее осколками. Наша сталь более прочная, чем немецкая, но, к сожалению, и более хрупкая. Не раз имел возможность наблюдать пробоины в танках: у наших — типично хрупкого характера с изломанными краями, у немецких — броня загнута внутрь, что указывает на вязкий разрыв.

Не дождавшись полной ликвидации окруженной группировки, полк отправляется на запад, туда, где находятся прорвавшиеся вперед наши части. По пути попадаются разрозненные группки и отдельные немцы, которые, как правило, сразу же, без сопротивления, сдаются в плен. Один офицер из железнодорожных, войск, явился к нам… босым. Шел пешком, чуть ли не от самого Могилева, и в конец разбил сапоги. Посетовал, что партизаны взорвали все пути, так что даже они, железнодорожники, не смогли вовремя эвакуироваться. Какую-то обувь ему дали. Увидел, что у нас девушки и попросил бритву — не хотел перед ними выглядеть таким заросшим.

Недалеко от Минска, когда мы утром собирались продолжать путь, на нас наскочил моторизованный отряд немцев: два или три легких танка, бронетранспортеры, несколько машин с пехотой и небольшая амфибия (с начальством, видимо). Выехали откуда-то сбоку и после короткой перестрелки направились дальше как раз по той дороге, по которой нам надлежало двигаться. Что теперь предпринять? Мы были одни, ни танков, ни пехоты нет. Командир полка, подполковник Яременко, собрал совет.

Были разные предложения: подождать на месте до вечера,

отправиться по другой дороге. Но подполковник принял решение не менять планы. Ждать не имеет смысла, может появиться новый отряд немцев. Надо незамедлительно ехать по своему маршруту, по той же дороге, по которой только что проследовал противник. Другая дорога, если она и есть, может оказаться слишком труднопроходимой. И, кроме того, мы знаем, что собой представляет противник, а они не знают наших сил. Бояться повторной встречи должны они. Проехав немного, обнаружили невдалеке от дороги стоящий немецкий танк с развернутой в нашу сторону башней. Возможно, оставили заслон. А может быть, просто не хватило горючего или что-то сломалось. Остановились и начали стрелять. Немцы, даже не пытаясь отстреливаться, выскочили из танка и убежали в лес. Едем дальше. Наткнулись на брошенную амфибию, застрявшую на проломившемся мостике. Наивные немцы не подозревали, что мостики в нашей глубинке могут быть обманчивыми. Лучше предварительно проверять! А этот, в частности, можно было запросто объехать сбоку. Что, видимо, остальные и сделали. Так же как и мы за ними следом. Амфибию вытащили, и она досталась нам в качестве трофея. Когда, наконец, выехали к своим, оказалось, что немцев они и не видели. Куда-то сгинули по дороге. Потом, когда сверху предложили дать пример действий части в автономных условиях, я описал именно этот эпизод.

Быстро продвигаемся вперед, теперь уже западнее Минска. Два или три дня задержались в Гродно. Получил задание разведать дорогу дальше на запад и установить, где находятся наши передовые части. Вместе с разведчиками на своей полуторке отправляюсь в путь. Живописная дорога идет вдоль южной кромки печально известных по первой мировой войне Августовских лесов. Приятно сознавать, что теперь в этих же местах побеждаем уже мы. Проехали спокойно два десятка километров и вдруг натыкаемся на завал на дороге. Выскакивает группа солдат с автоматами наперевес. За обочиной пулеметы. Это наши, судя по петлицам — кавалеристы. Почему-то ведут себя агрессивно, чуть ли не враждебно. Кто мы такие, как сюда попали? Не успел объяснить, как лейтенант, командир заставы, предлагает пройти в штаб, там, дескать, разберутся. Приводят к начальству. Опять те же вопросы: как и почему сюда попали. Когда же до них доходит, что мы — свои, а не переодетые немцы или власовцы, что свободно проехали по дороге из Гродно, — взрыв ликования. Оказывается, они (это была кавалерийская бригада) два или три дня находятся в окружении. Организовали круговую оборону и, поскольку боеприпасов было маловато, вырваться и не пытались. Почему-то не могли связаться по радио.

По случаю окончания блокады был дан салют из всех видов оружия. Сам командир бригады по телефону давал указания: «Боеприпасы можно теперь не экономить!». После чего, как полагается, пришлось разделить с ними общую радость за столом. Все же, если подумать, это был некоторый «прокол». Нас не предупредили, что немцы могут быть впереди, и мы ехали довольно беззаботно.

Вот и завершился важнейший этап войны. Немцы изгнаны с нашей земли. Почти незаметно, практически без боя и никак не отмечая это событие, пересекли границу. Позади осталось Негорелое, прежняя пограничная станция. Потом перешли новую границу, западнее Белостока, установленную пресловутым соглашением с немцами в 39-м. Ее нельзя было не заметить. Как мы старались ее укрепить! Она действительно была бы практически неприступной, если бы удалось завершить строительство. Наверное, как линия Мажино! С грустью смотрел я на эти, оказавшиеся бесполезными, бетонные, с двухэтажный дом, громадины, которые могли бы выдержать любую бомбежку или прямой артобстрел. Они не были ни обвалованы, ни замаскированы и стояли, выделяясь на зеленом поле, своим серым цветом и угловатыми формами. Как некие доисторические животные, динозавры — огромные и беззащитные в современных условиях. Говорили, что, когда началась война, там были только саперы с лопатками.

Вместе с пехотой

Пехота! На нее нужно молиться. Это она вынесла на себе основную тяжесть войны. Это она понесла наибольшие, поистине неисчислимые жертвы. Артиллерия (по крайней мере нашего калибра) призвана поддерживать пехоту и действовать заодно с ней. Мне лично, как правило, приходилось иметь дело с командирами батальонов. Основа надежного взаимодействия это, прежде всего, полное обоюдное доверие. На передовой оно практически всегда устанавливалось само собой. Никогда не приходилось предъявлять какие-либо удостоверяющие твою личность документы. Некоторых из пехотных командиров я хорошо помню до сих пор.

Первая военная зима в Донбассе. Противник занимает оборону вдоль железнодорожной линии между станциями Яма и Ныркова. Получаю приказ связаться с наступающей пехотой. Командир батальона Деребчинский — веселый, жизнерадостный еврей из Одессы. Пока пробирался к нему вдоль неглубокой канавки, пулеметная очередь чуть не сшибла мою шапку. Деребчинский смеется: надо же пригибаться. Показал мне цели, главная это — железнодорожная будка на насыпи. Там малокалиберная немецкая пушка и пулемет. Выбрал свою позицию чуть подальше, в низине напротив будки, чтобы быть под траекторией полета снарядов. Так удобнее управлять огнем. Только расположились, как слышу — летят над нами снаряды. По звуку вроде наши. Снаряды не долетают до немцев и разрываются возле залегшей в снегу нашей пехоты. Вот тебе и на! Кто-то, не зная обстановки, дал команду на открытие огня практически наугад. По радио кричу: «Прекратить огонь, очень плохо!» Деребчинский наверняка подумает, что это я так стреляю. Поверит ли моим объяснениям? А стрелять-то мне непросто. Попасть точно в цель на большом расстоянии (орудия за 6 км отсюда) при крутой навесной траектории вообще шансов мало. А тут еще и условия специфические, четко корректировать огонь практически невозможно. За насыпью низина и перелеты не видны. А недолеты, даже совсем небольшие, недопустимы — попадешь в своих. По карте подготовил данные с запасом, рассчитывая на перелет. Выстрел! Слышу, как пролетает над нами «мой» снаряд. Доносится глухой звук разрыва за насыпью. Все правильно! Продолжаю стрельбу, постепенно убавляя прицел. Разрывов все не видно. И, вдруг, ура, не верю, своим глазам: четвертый снаряд попадает прямо в будку. Это какое-то невероятное везение. Объяснил потом комбату, что все-таки

произошло. Он и не засомневался в истинности моих слов (принцип доверия действует). Даже не выругался, в сердцах только сказал, что это не первый раз, когда артиллерия бьет по своим. Меня же от души поблагодарил и преподнес двести граммов. На морозе это было не лишне. О моей удаче прочитал вскоре, по-видимому, с его подачи, заметку в нашей армейской газете. Правда, фамилия немножко переврана и назван командиром батареи, да и преувеличен мой успех. Но, все равно, приятно.

Кстати, о «наркомовском пайке». На передовой его всегда было предостаточно, так как действовала простая печальная арифметика. Водку выписывали на списочный состав заранее. Однако выдавали ее не перед боем, для «бодрости», как можно было подумать, а после него. Воевать надо было с умом, на трезвую голову. В бою же личный состав заметно убавлялся. Вот и оставались многие порции невостребованными.

Потом, когда линия была взята и я пробирался вперед, посмотрел на тех, кто остался лежать на снегу. На некоторых и крови-то не видно. Лица темно-серые и раны на них не красные, а какие-то белесые сколы. Будто не люди, а мраморные статуи. Не понимаю в чем дело. И вдруг дошло, — они погибли раньше, в предыдущих атаках. Было не до того, чтобы их вытаскивать. Напрасные пули и осколки попадали теперь в уже неживые, заледеневшие тела.

С Деребчинским приходилось встречаться не раз. Он был ранен, но вскоре вернулся в строй. Ко мне хорошо относился всегда радовался моему приходу. Часто я уходил от него с подарком, присланным из тыла. Ох эти трогательные подарки: вязаные рукавички, носки, четвертушки водки, какие-то консервы. Сами бедствуя, наши в тылу, в основном это были женщины, отрывали от себя последнее. В каком невосполнимом долгу мы перед ними за все!

Несколько иного плана был другой командир батальона, Шкрылев, которого я вспоминаю, если не с теплотой, то, во всяком случае, с уважением. Он перешел на строевую службу по собственному желанию из интендантов. Человек крутого характера. Первый раз я встретился с ним той же зимой в Донбассе. Его командный пункт находился в аналогичной железнодорожной будке, стены которой защищали от пуль. Впрочем, через слуховое окно вверху пули все же залетали. Осколком влетевшей туда разрывной пули при мне ранило одного из телефонистов. Наше наступление застопорилось. Шкрылев по телефону разговаривал с командирами рот примерно в таком духе: «Ты все еще сидишь в этом домике на окраине?

Немедленно двигайся вперед, «огурчиками» тебе помогу». И тут же давал соответствующее указание командиру минометной роты. И далее: «Через полчаса выхожу к тебе. Если застану тебя на том же месте — пеняй на себя». Не думаю, что бы он когда-либо приводил в исполнение свои угрозы, но все же это как-то действовало. Шкрылев быстро пошел вверх по служебной лестнице. Через год я встретил его в должности командира полка. А еще через год он был уже командиром дивизии. На войне выдвигались действительно стоящие люди: смелые, здравомыслящие, решительные. И они сменяли, как это ни было болезненно, тех, кто исчерпал себя или просто не соответствовал должности. Хорошо это отразил, несомненно отзываясь на социальный заказ, А. Корнейчук в своей пьесе «Фронт».

Многие, кого мы поддерживали, и с кем доводилось общаться, вызывали у меня большое чувство уважения. И я не обманывался. Вспоминается лишь одно исключение. Зимой 42-го наша армейская газета неоднократно писала о подвигах некоей отдельной кавалерийской бригады. Воевали они тогда, в условиях позиционной войны, как и пехота — в пешем строю. Хотелось с ними познакомиться поближе. И вот я — у них на КП. Поразила чуть ли не опереточная картинность того, что увидел: папахи, бурки, какие-то блестящие значки (орденов и медалей тогда еще практически на давали). Мой коллега, начальник разведки, — вообще колоритная фигура. Длиннющие усы. На поясе две гранаты. Кроме карабина еще и невесть откуда взявшийся маузер. Кажется, были и пулеметные ленты через плечо. Зачем все это ему здесь, среди своих? Раньше и я таскал много всего. Кроме таких же гранат и карабина, еще и каску, да вдобавок и противогаз. Но давно все оставил. Договорились о целях для нас в глубине обороны противника, к которым, как уверенно заявил командир бригады, они вскоре подойдут. Даже назвал соответствующее время. Не знаю, что он потом докладывал по инстанции, но только все кончилось полным провалом — наступление сорвалось. А через некоторое время в той же армейской газете была помещена разоблачительная статья по поводу этой бригады. Их «небывалые успехи» на проверку оказались мнимыми.

Артиллерийская практика

Далеко не все из того, чему нас учили на уроках военного дела в университете, понадобилось на фронте. Теория, которую преподавали, представлялась нам, будущим физикам и математикам, вполне обоснованной и интересной. По существу это были задачи на оптимум. Определялось, как выйти на цель, поразить ее, используя наименьшее количество снарядов. Широко применялась теория вероятности, другие разделы математики. Особое внимание уделялось так называемой стрельбе по знакам наблюдения разрывов, когда координаты цели неизвестны. В этом случае нужно предварительно взять ее визуально в «вилку» между двумя близкими друг к другу разрывами — перелетом (цель видна на фоне облачка разрыва) и недолетом (разрыв закрывает цель). И лишь потом переходить на поражение на середине вилки. В теории все было правильно и целесообразно. На практике дело обстояло несколько иначе.

Начать с того, что в нашем распоряжении почти всегда были достаточно подробные топографические карты местности с множеством всякого рода ориентиров. Лишь в самом начале у нас оказались не те карты — не нашей, а румынской территории. Причем, далеко в глубь ее. То ли всерьез считали, что будем воевать на чужой территории, то ли боялись запастись картами нашей местности, чтобы не заподозрили в пораженческих настроениях (это действительно могло плохо кончиться!). Но вскоре положение было исправлено. И никогда больше, хотя пришлось исколесить не одну тысячу километров, затруднений с картами не было. Поэтому ничего не стоило с наблюдательного пункта, пользуясь указанными в них ориентирами, определять координаты цели. Применять длительную процедуру стрельбы по знакам наблюдения разрывов смысла не имело. Можно было просто, как говорится, стрелять по карте, что мы и делали. Для этого также были разработаны методы оптимального выхода на цель. Но и они редко применялись. Дело в том, что наибольший эффект приносят не столько отдельные или групповые выстрелы с попыткой попасть точно в цель, сколько внезапные массированные огневые налеты по району цели (стрельба по площадям), застающие противника врасплох. Предварительная же пристрелка указывает противнику, что его «нащупывают», и он имеет возможность своевременно укрыться или даже покинуть опасное место. Мы часто старались открывать огонь на поражение совсем без пристрелки или, в крайнем случае, лишь с одним-двумя предварительными выстрелами. В этом плане, следует

признать, определенными преимуществами обладает реактивная артиллерия, которая действует вообще без пристрелки. Хотя и отличаясь большим разбросом, «катюши» дают возможность малыми силами и средствами обрушивать на противника внезапный массированный огонь. Какой-то, пусть и небольшой процент снарядов все же может разорваться недалеко от цели. Нам же, чтобы создать такую же плотность огня, нужно стрелять одновременно многими батареями сразу.

Особый вопрос — умение обнаружить замаскировавшегося противника. Это дается не сразу. Хорошо помню свой первый, трудный опыт в этом деле, еще на Днестре. Немцы прорвались на левом фланге и узкой полосой глубоко вклинились в наши позиции. Была поставлена задача: обрубить, отрезать этот клин. Стали наступать. Местность здесь довольно интересная. На равнине, словно клыки торчат отдельные довольно высокие, крутые холмы Вместе с командиром батальона я на одном из них. Обзор прекрасный. Внизу залегли наши солдаты. Противник своим огнем не дает им подняться. Я гляжу во все глаза и ничего не могу обнаружить. Кругом зелень, посадки. Звук отстает от выстрела, когда довернешь стереотрубу и вглядишься, — ничего уже не заметишь. Куда стрелять, где их огневые точки? Открываю огонь туда, где, как кажется должны находиться немцы. Никакого эффекта! Стрельба продолжается. Как легко и просто было на учебных стрельбах: цель указывалась заранее, и дело было только в том чтобы правильно «выйти» на нее. А учиться искать и выявлять цели, определять их более или менее точное расположение не приходилось. В принципе можно было бы применять на макетных полигонах разного рода звуковые, световые и другого рода импульсные имитаторы. И производить отдельные, малозаметные изменения в представленной на макете местности. Качественно новые возможности для тренировки в распознавании цели до и для самой пристрелки открывает современная компьютерная техника

Целесообразны огневые налеты не только по видимым целям, но и по скрытым от наблюдения районам: в лощинах, за обратными скатами и т. п., то есть там, где возможно нахождение не заботящегося об укрытии противника. Конечно, результаты такой стрельбы, практически наугад обычно остаются неизвестными. Но что она приносит эффект — мы знали по себе. Вспоминается, однако, случай, когда для нас все же представилась возможность убедиться в действенности подобной стрельбы. Это было в 44-м, западнее Гродно. Противник, отступая, задержался на одном из промежуточных рубежей. Очень досаждала нам одна батарея, которая периодически вела

шквальный огонь по деревушке, где мы находились. Никаких укрытий или окопов не хотелось создавать. Пока сделаешь, немцы, вероятно, уйдут. Стрельба продолжалась, и мы чувствовали себя довольно неуютно. Не знали, как и быть — то ли перебираться в другое место, то ли все-таки готовить укрытия. Батарея была скрыта в складках местности и ее нельзя было непосредственно обнаружить. Звуки выстрелов до нас не доносились. Но мне все же удалось заметить еле различимые струйки дыма, которые иногда появлялись над гребнем, прикрывающим одну из лощин. Они предшествовали прилету снарядов. Это, несомненно, были следы конусов вспышек от выстрелов. О местоположении батареи можно было судить только ориентировочно — лощина была довольно широкой. Раз координаты цели точно не определены, ну ясно стараться охватить по возможности наибольшую площадь поражения. Поэтому командир полка, который в этот раз был с нами, принял решение задействовать всю нашу мощь. Он нее и подготовил данные для стрельбы, подчиняясь, видимо, «спортивному азарту» — ему этим почти не приходилось заниматься. Пристрелка по невидимой цели вообще не имеет смысла. А ошибиться так сильно, чтобы не попасть в лощину, практически было невозможно. Дали сразу же несколько залпов (по ничего не подозревающему противнику) всеми батареями полка одновременно. Единственный за все войну случай подобного рода. Разрывов не увидели, но из лощины вырвалось большущее грибообразное облако дыма. Видимо, взорвались боеприпасы. И больше — ни одного выстрела с той стороны.

За все время по знакам наблюдения разрывов я стрелял только один раз. В спокойной обстановке, в обороне, больше для интереса, чтобы проверить себя. И один раз довелось испытать подобную же стрельбу со стороны противника на себе. Это было в Сталинграде. Наш временный НП (обычная землянка) находился на левом берегу. Разрыв немецкого снаряда впереди, затем через некоторое время — сзади. Пока далеко, и подозрений не возникло. Потом по всем правилам — «уполовинивание» вилки, и третий разрыв поближе. Ага, значит, это «по нашу душу». Немцы стреляли не спеша и можно было свободно (и притом незаметно, поскольку мы находились на опушке леса) убежать. Но об этом и не подумали, поскольку вероятность прямого попадания ничтожно мала. В конце концов, как и полагается — заключительная серия разрывов. Один из них пришелся совсем близко. Дым застлал амбразуру… и на этом все кончилось. Наверное, противник посчитал, что цель поражена.

Все еще и физик

Будучи преданным своему делу артиллеристом, я все же оставался в душе и физиком. И это, естественно, расширяло диапазон моих интересов или, проще сказать, любопытства. Многое из того, с чем приходилось сталкиваться, воспринималось мною с точки зрения рационально (и отчасти творчески) мыслящего физика. Как-то пришла в голову мысль, что к военным событиям на локальном уровне применим сугубо физический принцип Ле Шателье — Брауна. Смысл этого принципа состоит в том, что, если какая-либо физическая система находится в состоянии равновесия и на нее начинает, действовать внешняя возмущающая сила, то она, эта система, стремится перейти в другое состояние так, чтобы влияние возмущения снижалось. На войне происходит нечто подобное. Когда после равновесного затишья разворачиваются возмущающие, активные боевые действия, погода частенько портится. Взрывы, выбросы туманообразуюших продуктов — аэрозолей нарушают квазистационарное состояние атмосферы. Сгущаются облака, начинаются дожди. В результате видимость ухудшается, действия авиации парализуются, движение транспорта в прифронтовой полосе затрудняется. «Система» переходит в новое состояние, «стремясь» как бы помешать продолжению дальнейших активных операций. В числе прочих эту мысль, иллюстрированную соответствующими формулами, я изложил в письме в свой родной Физико-технический институт, эвакуированный из Днепропетровска в Магнитогорск. Надеялся порадовать коллег тем, что не совсем распрощался с наукой. В ответном письме мне сделали осторожный намек, из которого я понял, что все это было напрасно. Формулы, над которыми я трудился, цензура напрочь вымарала. Хорошо еще, что не заподозрили в шпионской деятельности!

В одном из боев под Сталинградом, я обратил внимание на весьма удивительное явление. Стреляла немецкая пушка, находящаяся на открытой позиции. Мы берегли снаряды на случай вражеской атаки и сами не отвечали. Была хорошо видна вспышка выстрела. Доходящий до нас звук, естественно, несколько запаздывал. Но он не совпадал с выстрелом не только во времени, но и в пространстве. Казалось, приходит совсем из другого направления, заметно смещаясь в сторону разрыва снаряда. В чем дело? В принципе мог бы сказаться пересеченный рельеф местности. Но перед нами плоская равнина без каких-либо преград, способных отражать звук. Да и при разрывах

снарядов этого эффекта нет. Помучился немного, но все же сообразил. При выстреле образуется ударная волна, распространяющаяся в разные стороны с различной скоростью. Наибольшая (сверхзвуковая) скорость — в направлении выстрела. Фронт волны оказывается, таким образом, не сферическим, а примерно эллиптическим. При этом нормаль к боковой ветви звуковой волны должна отклоняться от направления на источник звука и сдвигаться вперед, то есть как раз в сторону полета снаряда. Потом, когда пушка стала стрелять строго в нашу сторону, эта гипотеза подтвердилась. Звуковое и световое направления на выстрел полностью совпали. Так и должно быть, ибо фронт волны при этом перпендикулярен к направлению на источник звука. Существовали приборы звуковой локализации артиллерии противника, находящейся на закрытых позициях. У нас их не было. И слава Богу! А то стреляли бы в подобных случаях по пустому месту.

И еще об одном любопытном эффекте, связанном с распространением звука. В определенных погодных условиях даже сравнительно низко летящие самолеты оставляют за собой серебристый шлейф — полоску сконденсировавшихся водяных паров. Как-то, это было в разгар боя под Мелитополем и небо было испещрено такими следами самолетов, я обратил внимание на то, что вдоль этих полосок в разных направлениях, пересекаясь, быстро проходят какие-то темные пятна. Что это такое? Как физик я должен дать этому объяснение. Думал, думал и вдруг меня осенило — это же следы образуемых взрывами акустических волн. Адиабатический всплеск давления и температуры на фронте волны вызывает соответствующий фазовый переход и капельки влаги исчезают, превращаясь в прозрачный пар. После прохождения волнового фронта он снова конденсируется. Удивительно только, что процессы испарения и конденсации происходят так быстро. Видно, капельки совсем микроскопические. Что мысль моя верна, я вскоре убедился. К вечеру бой начал стихать, взрывы сделались редкими. И стала отчетливо прослеживаться корреляция между отдельными взрывами и прохождением пятен.

Первую очень холодную военную зиму нам досаждала изморозь на лобовом стекле нашей машины (кабины тогда не отапливались и стекла не обогревались). Особенно неприятно ночью, когда видимость и так ограничена. Заметили, однако, что по мере движения стекло начинает просветляться и, если долго ехать, изморозь вообще исчезает. Почему так происходит? Сначала мне пришла в голову, стыдно признаться, совершенно нелепая мысль. Будто бы, при движении импульсы налетающих

молекул воздуха передаются через стекло (происходит «каналирование» импульса, как теперь бы сказали) и, концентрируясь на отдельных молекулах воды (льда), вынуждают их отрываться от поверхности. Стоит заметить, что много позже эффект каналирования, то есть проникновения микрочастиц через вещество, был установлен. Но это нечто совсем другое. Тогда же я подумал, что если так, то для ускорения процесса надо просто ехать быстрее. Проверили — действительно стекло просветляется заметно раньше. Но несуразность такой «теории» не давала покоя. Все же я понял в чем дело. Просто при движении наружный сухой (поскольку влага вымерожена) воздух проникает через щели кабины и осушает все внутри. Значит, чтобы поскорее избавиться от изморози надо усилить циркуляцию воздуха. Для этого достаточно приспускать на время боковые стекла. Отныне так мы и делали.

Как легко мы поддаемся своему воображению и делаем поспешные, не отвечающие действительности выводы. Мне, довольно прочно стоящему на реалистических позициях, не раз приходилось поправлять (и огорчать тем самым!) некоторых своих искренне заблуждавшихся товарищей. Помню, такое случилось в первые же дни войны, еще на Днестре. На наблюдательном пункте командир отделения разведки радостно доложил, что обнаружил минометную батарею противника. «Надо немедленно открывать огонь!» На той стороне — сжатое поле с аккуратно сложенными в небольшие копны снопами. Та группа копен, на которую сержант указывает, выделяется своим правильным геометрическим расположением. Ну и что? Сержант доказывает, что тут замаскированы минометы. «А были ли замечены вспышки выстрелов, движение людей?» «Нет! Но я уверен, что это минометы.» Сказал ему: «Наблюдайте, заметите движение, тогда и докладывайте!» Бедный сержант долго-долго просидел у стереотрубы, но так ничего и не обнаружил.

Это было на Миусе в 43-м, когда я находился на огневых позициях наших батарей. Вдруг с НП подается команда: «Прекратить движение, замаскироваться. В небе наблюдательный аэростат противника». У немцев они действительно использовались. Сразу же подумалось, если с аэростата могут видеть нас, значит и мы должны его заметить. Смотрю и ничего не вижу. Впрочем, если он поднимется выше и нас увидят, будет поздно. Так что, возможно, команда правильная. Бегу на свой НП, с которого и была подана команда. Старшим там оставался мой помощник Алеша Шешин. «Где аэростат?» Показывает. В перекрестке стереотрубы довольно высоко в безоблачном небе виден небольшой светящийся диск. Никакой это не аэростат! Но

что же это? Что-то знакомое. Да, конечно, это же «вечерняя звезда», планета Венера! Невероятно, ведь до вечера еще далеко. Никогда не доводилось видеть ее в такое время суток — в 3 часа дня. Молодцы разведчики, до чего наблюдательны! Но все же приходится давать отбой. Объясняю в чем дело. Обескураженный Алеша не хочет сдаваться. Говорит, что раньше «это» спускалось ниже, была видна кабина и даже просматривался силуэт наблюдателя в ней. Милый Алеша, ну и воображение у тебя! Как можно себя так убедить? До НЛО тогда еще никто не додумался. Собственной же фантазии хватило всего лишь на аэростат.

Приверженность рациональному мышлению все же однажды ввела меня в заблуждение. Это было в Крыму весной 44-го. Мы находились на самом севере полуострова — на Сивашском плацдарме. Дежурный разведчик у стереотрубы неожиданно задает вопрос: «Товарищ капитан! А что это за сопка там виднеется?«Какая там сопка, когда впереди до самых Крымских гор ровная, хоть шаром покати, местность! Опять воображение? Но все же смотрю в стереотрубу (с десятикратным увеличением). Та нее картина, что и наблюдалась перед этим: плоская равнина, залитая солнцем. Лишь далеко на горизонте какие-то пестрые облака. Уже хочу попрекнуть разведчика. И вдруг в сознании, как на пластинке в фотокювете, проявляется: это совсем не облака, это действительно горы, Крымские горы. Вернее, выступающие из-за горизонта верхушки гор, поскольку сказывается кривизна земной поверхности. Видно все еще заснеженную Яйлу, склоны, поросшие лесом. Как я раньше не понял? Просто был абсолютно убежден, что на таком расстоянии, около 150 км, увидеть что-либо невозможно. Это был единственный за несколько, месяцев, пока мы там стояли, случай, когда открылись горы. Перед этим прошли обильные дожди (по-видимому, по всему Крыму), атмосфера очистилась и воздух стал исключительно прозрачным. Сообщил на другие НП. Пусть полюбуются. Многие восприняли это видение как доброе предзнаменование, означающее, что наше предстоящее наступление будет успешным. Если так, то оно действительно сбылось.

Оглядываясь назад, думаю, что мои наклонности физика нисколько не мешали мне на фронте и даже, наоборот, помогали лучше исполнять свои обязанности. Мне, скорее, не хватало лирических способностей, из-за чего я чуть было не поплатился. В конце 43-го исполнялось два года со дня образования нашего полка. Мы стояли в обороне на Сиваше. Делать было нечего, скучновато, и командование захотело как-то подбодрить людей и торжественно отметить эту дату. Решили, что надо бы сочинить обращение к личному составу в стихотворной форме. Командир

полка не нашел ничего лучше, как поручить это мне. Напрасно я доказывал, что никогда стихов не писал, что я физик, а не лирик. Что есть другие, имеющие на то способности. Он стоял на своем. В конце концов, заявил: «Ты человек способный к наукам, я это знаю. Значит должен уметь и стихи сочинять. Чтобы завтра к утру стихотворение было, а не то посажу на губу». Не знаю, насколько это было серьезно. Я уже писал, что за отказ разукрасить боевой листок одного нашего сержанта отправили в штрафной батальон. Ну что ж, делать нечего, надо выполнять. Сидел, сидел в своей землянке чуть ли не до полуночи и с трудом «выдушил» из себя одно четверостишие. А вот на следующее утро, как говорится, «нашло вдохновение» и я легко, почти с ходу написал еще три. Поистине «утро вечера мудренее!» Впрочем, получилось не ахти как. Просто набор звонких, по тому времени, стереотипов вроде: «С боями ты прошел два года. Стоял на смерть» и т. п… В общем, совсем в стиле: «Служил Гаврила хлебопеком. Гаврила булку испекал…». Но командованию понравилось. Стихотворение было размножено на машинке и роздано всему личному составу. Только для себя я его не сохранил.

Немного «мистики»

Люди, склонные к мистике, сами для себя выбирают события, подтверждающие и укрепляющие их суеверные чувства. На войне поводов для этого предостаточно. До того, как Фридман погиб, его дважды поцарапало осколками. Кое-кто рассудил: смерть его искала и на третий раз, как и положено, нашла. Вот если бы Лева прислушивался к тому, что говорят, не стал бы бравировать, опустился на землю, как и все, — остался бы жив. А на то, что иные погибают с первого, второго, четвертого и т. д. раза, такие люди просто не обращают внимания.

Как-то я не смог заставить водителя ехать дальше после того, как кошка впереди перебежала дорогу. «Хоть убейте, не поеду!». Ждать, пока кто другой проедет раньше нас это место, было некогда. Отправились по другой дороге, просматриваемой и простреливаемой противником. На этот раз все обошлось благополучно. Значит, поступили правильно, кошек на дороге лучше избегать!

Со мной было два случая, из которых люди, подверженные суевериям, могли бы сделать вывод о спасительной роли предчувствий (если к ним прислушиваться, конечно). Первый произошел в августе 41-го, после того, как мы безуспешно пытались сбросить немцев с Каховского плацдарма на Днепре. Пришлось отступать. Утром на машине вместе со своими разведчиками отправились по дороге из Каховки на юг. Дорога эта, я видел, изредка обстреливается, но ехать все равно надо. Сержант, находящийся в кузове сверху, вдруг предупреждает, что там стреляют. Как будто сам не вижу, подумал я. Впереди на дороге стоит большая колонна выехавших ранее машин, среди них, помню, зенитная батарея в походном порядке. Почему такая пробка, может быть, мостик провалился? Сейчас подъедем, узнаем. Вдруг как будто меня что-то кольнуло, и я приказал остановиться несколько раньше, у последнего съезда с дороги. Вижу — справа наперерез нам движется другая колонна. Ага, может быть, остановились, чтобы их пропустить? Стал на подножку, смотрю в бинокль. Бог ты мой, да ведь это же немцы! И возле тех наших машин впереди тоже немцы. Значит, это они перерезали дорогу и захватили наших. Сержант имел в виду совсем не минометную, как я считал, а автоматную стрельбу. Только вывернули влево на проселок, как сразу же вослед нам из придорожных кустов — длиннющая пулеметная очередь. Немцы по всем правилам военной тактики устроили здесь засаду на случай, если кто-либо попытается повернуть обратно. К счастью,

никого не задели. Прострелили только сковородку в рюкзаке с кухонными принадлежностями. Останемся теперь без блинов. Вроде, действительно какой-то внутренний голос помог, а не то попались бы, как и те. Но при зрелом размышлении думаешь — это никакое не наитие. Похоже, что в острых, критических ситуациях всякие «блуждающие» мысли напрочь вылетают из головы. В памяти остаются в основном только факты. Может быть, я приказал остановиться возле съезда, подумав, что все равно придется ехать в объезд, раз впереди пробка? А может быть, вспомнил разговоры, будто немцы вчера прорвались на нашем левом фланге и никаких заслоните там нет. Может быть, и это меня насторожило? Как бы там ни было, но нам повезло.

А несколько позже, уже в Донбассе — снова спасительное «предчувствие». В небольшом поселке расположился наш арьергардный заслон — поредевшая рота пехоты. Я со своими разведчиками остаюсь с ними для связи. С наступлением темноты получен приказ покинуть рубеж. Пехота тут же снялась и ушла. А наш водитель, как на зло, заболел. Колики в животе такие, что не то что машину вести, встать не может. Проходит час, другой, легче не становится. Решаю: ждать больше нельзя. Сажусь за руль сам, и мы отправляемся. Основные переключения мне знакомы и раз или два я уже пробовал водить. Но то было днем и в спокойной обстановке. Ехать же, как и положено было тогда, придется совсем без света.

Я обычно хорошо запоминаю и ощущаю дорогу. Сейчас же все внимание машине. Медленно, на третьей скорости, на четвертой не решаюсь. Еле-еле различаю дорогу. Постепенно закрадывается сомнение: а та ли эта улица. Дорога кажется совсем ненаезженной, то и дело попадаются глубокие рытвины. А там был, я помню, приличный грейдер. Выезжаем на окраину. И вдруг, опять будто какой-то внутренний голос приказывает: «остановись!». Резко торможу. Выхожу вперед. О ужас, дальше дороги нет. Еще два, три метра — и мы свалились бы в глубокий овраг. Вроде бы и можно было после этого поверить в предчувствия, но неисправимый реалист, сидящий во мне, и тут находит объяснение. Просто я уже понимал, что еду не туда. Но для меня, более чем. неопытного водителя, разворачиваться на узкой улице, чтобы ехать обратно — проблема. Другое дело за околицей, где больше простора. Вероятно, какие-то подобные мысли у меня тогда и были, но не остались в голове.

Женщины на фронте

Женщины на фронте это, вообще говоря, противоестественно. Не их дело сражаться. И фронтовой быт для них труднее. Но что поделаешь, не смогли мы, мужики, сами справиться и вынудили женщин (кого добровольно, кого по мобилизации) прийти к нам на помощь. Многие женщины-медики находились в боевых порядках пехоты. Зима 42-го, Донбасс. Небольшая лощинка вблизи передовой, куда изредка залетают мины. У тропинки лежит мертвый солдат с незажженной цигаркой в зубах. Неужели сразило в этот самый момент? Или кто-то пытался дать ему закурить перед смертью? Женщина-врач здесь же на снегу безо всякого укрытия обрабатывает раны непрерывно подходящим и приносимым бойцам. Образовалась целая очередь и она выбирает тех, кто особо нуждается в срочной помощи. Вот солдат, которому в плечо попала разрывная пуля. Я смотрю, как сноровисто, деловито делает она свое дело. Буквально несколько минут — и не видно этого страшного месива. Рана ухожена, забинтована. Следующий… Работает напряженно, не обращая внимания ни на мороз, ни на мины. И когда, прошу прощения, ей все же надо прерваться, как говорится, по своей надобности, лишь отходит немного в сторону. На виду у всех. Скрыться некуда — ни кустика, ни бугорка, кругом один снег. Все чувства померкли по сравнению с чувствами долга и сострадания. Мужики просто отворачиваются.

А вот другой пример женской самоотверженности. Теперь уже Польша, 44-й. Небольшая группа бойцов нашего полка идет по дороге. Уже стемнело. Один солдат немного отошел в сторону и подорвался на мине. Все замерли. Он лежит беспомощный, стонет, но никто не решается подойти. Мины, как правило, в одиночку не ставятся. Вероятно, здесь минное поле. Раненый истекает кровью, кто-то должен решиться. Проходят драгоценные минуты. Не выдержала Нина Балаклеевская (теперь она Кабашенко), даже не медик, наша связистка, единственная женщина в группе. Хрупкая, слабая на вид девушка бросается к солдату и благополучно вытаскивает его на дорогу. Потом только произнесла укоряюще: «Эх вы, а еще мужчины!». Что здесь можно сказать? Это даже не долг. Просто не могла вынести, что кто-то рядом страдает.

Иногда женского милосердия не хватало. Мне рассказали такой случай. Последний день войны в Крыму. К колонне сдавшихся в плен подходит девушка и спрашивает — есть ли среди них русские. Выходят двое. Та выхватывает пистолет и в

упор стреляет. После чего, все-таки она женщина, истерика. Оказывается получила сообщение, что с ее семьей, остававшейся в оккупации, зверски расправились наши же полицаи.

Сколько женщин сражалось с оружием в руках! Они подчинялись воинскому долгу и долгу совести не меньше, а может быть, и больше, чем иные мужчины. Один из моих университетских друзей, Юзик Меерсон, с которым мы неожиданно встретились на фронте, рассказал о случившемся в их батальоне. При очередном наступлении повыбивало в роте всех командиров, тщетно пытавшихся поднять своих в атаку. Тогда командование ротой взяла на себя девчонка, санинструктор. Поднять бойцов она подняла, мужикам, видно, стало стыдно, но тут же ее и сразило.

Были женщины танкистки, были летчицы. На легких ночных бомбардировщиках, похоже, вообще летали исключительно девушки. Как только наступал вечер, раздавалось привычное стрекотание. Шли наши «кукурузнички», как их продолжали ласково называть. Над немецкой передовой навешивались осветительные ракеты и сбрасывались пусть и небольшие, но беспокоящие и поражающие противника бомбы. Сколько ни пытались немцы их сбить, все равно, по крайней мере по нашим наблюдениям, безрезультатно. Мы даже перестали особенно волноваться за них. Одно время с самолетов выливалась какая-то фосфоресцирующая жидкость, вероятно, зажигательная смесь. Образовывался большой светящийся в небе конус, уступами спадающий к земле. Вместе с ракетами и летящими вверх трассирующими пулями это представляло собой весьма красивое зрелище.

Женщины летали не только на ночных бомбардировщиках. Одно время в небе над нами на истребителе летала, до сих пор помню имя, Лиля Литвяк. Фронтовая газета писала об ее успехах, была помещена фотография. Симпатичная, улыбающаяся девушка. Погибла у нас на глазах в боях на Миусе в 43-м. Видели, как наш самолет рухнул на землю. С парашютом никто не выбросился. Радисты перехватили тревожные возгласы оставшихся в небе летчиков: «Лилю сбили!»

Казалось бы, тяжелая, грубая обстановка на фронте должна исключать проявление нежных чувств. Но нет, хотя жизнь и проходила почти на грани смерти, но требовала свое. Люди были молоды. И была любовь, настоящая, искренняя. В полку не только Алеша и Оля, о которых я писал, были вместе. В этом нет ничего предосудительного. Это было естественно и было известно всем. Загсов на фронте не существовало. Наш начальник штаба, человек строгих, пуританских взглядов, в конце концов нашел

выход в издании специальных приказов по полку. В приказе так и предписывалось: «Считать старшего лейтенанта такого-то и ефрейтора такую-то в законном браке».

Неоценимый вклад внесли женщины на фронте. И не только тем, что спасали раненых, сражались наравне с нами. Их присутствие смягчало, облагораживало ту обстановку, в которой так легко могли проявляться грубость, жестокость. Низкий вам поклон, дорогие наши боевые подруги, за все. Ваши подвиги не менее значительны, чем наши заслуги. Только не всегда это осознают.

Жестокости войны

Война жестока и несправедлива. Убивают и калечат всех без разбора. Хороших и плохих, талантливых и бездарных, храбрых и трусливых, но все равно людей. Ладно еще, если это солдаты с оружием. Им, вроде бы, по штату положено умирать, так же как и убивать себе подобных. Впрочем, в уставах по этому поводу несколько фарисейски говорится, что задачей воина является не убийство, а поражение живой силы противника. Ну а безоружные, а мирные жители? Они что, тоже «живая сила»? Прямая угроза мирным жителям, попавшим в мясорубку войны, исходила не только от врага, но и от нас самих. Сегодня ты в каком-то городе, селении беседуешь с ними, а завтра, может быть, будешь вынужден стрелять сюда. А снаряд не разбирает, где свои, а где чужие. Помню, как первый раз пришлось стрелять по нашей деревне, которую занял противник. Как говорится, молил Бога, чтобы не попасть в своих. Нужно — значит нужно, но привыкнуть к этому и относиться спокойно нельзя. Как-то, я об этом уже писал, в Белоруссии довелось вести огонь по немцам, сгрудившимся в деревушке у колодца. Один из снарядов попал в хату. Потом узнал, как женщина из этой деревни рассказала нашим, что снаряд разорвался в ее хате. Убило четверых находившихся там немцев и… ее мужа. Так и висит это, как не оправдывайся, на мне!

Иногда стреляли туда, где наши безусловно есть, а вот находятся ли там немцы — это вопрос. Помню, как по приказу свыше одно наше орудие по ночам специально подтягивалось к переднему краю, чтобы на пределе досягаемости вести огонь по Славянску, далеко в глубине немецкой обороны. Просто по городу, куда придется. Это, что называется, беспокоящий огонь. О том, что он беспокоит и поражает, может быть, в основном наших, а не немцев, по-видимому, не очень задумывались. Мне рассказывал Фридман, что, когда немцы заняли правобережную часть Днепропетровска, они начали собирать по несколько сот жителей, в основном женщин, на одном из пустырей, вести какие-то землекопные работы. С левого берега, где еще находились наши, это было хорошо видно. Что же именно там делали, оставалось неясным. Так продолжалось два или три дня. Наши военные не знали, как и быть. Потом приехал один из высокопоставленных политических руководителей, не буду называть его имя, и все же дал команду стрелять туда.

Немцы, или, вернее, некоторые из них, похоже, действительно уверовали, что они — представители высшей расы,

призванной управлять и подавлять других. И что им дозволено, даже, больше того, положено расправляться с мирным населением, как заблагорассудится. Впервые довелось это постичь в конце 41-го, в Ростове. Всего 10 дней владели немцы тогда городом. Но и этого им было достаточно, чтобы показать себя. Недалеко от театра им. Горького я обратил внимание на большой пятиэтажный, полностью сгоревший дом. Подумал, что это результат бомбежки или артобстрела. А мне мои близкие знакомые, которые оставались в городе и жили неподалеку, пояснили: его сожгли немцы. Вместе со всеми жителями! Рядом с этим домом был убит немецкий офицер. Кто убил — неизвестно. Дом ночью оцепили каратели и подожгли. Тех, кто пытался выскочить, расстреливали. Не пощадили ни женщин, ни детей. Потрясла не только сама трагедия, но и то, что культурные, цивилизованные, как привыкли их считать, немцы способны на такое варварство. В Донбассе, в Приднепровье, уходя, немцы стремились оставить за собой выжженную землю. Мы приходим, а в деревушках еще тлеют дома, подожженные специально создаваемыми для этого с немецкой обстоятельностью отрядами «факельщиков». На лугу расстрелянные стада коров и другой живности. Кого-то из жителей угнали с собой, кого-то убили. С «факельщиками», если их удавалось захватить, наши безжалостно расправлялись.

И даже в конце войны, когда исход ее был предрешен, видимо по инерции, совсем уже бессмысленные эксцессы все еще происходили. Где-то у западной границы Польши, помню, зашли в дом лесника. Обезумевшая от горя женщина, плачущие дети. Только что были здесь убегавшие от нас немцы и так, ни за что ни про что, походя, застрелили мужа. Ведь для убежденных нацистов поляки — такие же «недочеловеки», как и мы. Я пишу здесь лишь о том, с чем сам непосредственно сталкивался. А ужасы массового истребления людей и без меня хорошо известны.

Война завершается

Как когда-то привыкли отступать, так теперь мы привычно наступаем. Стремительно продвигаясь вперед, оставляем позади разрозненные отряды немцев, которые пытаются пробиваться к своим. На тыловых коммуникациях возникают стычки. В одном из поселков, когда я возвращался к своим из штаба армии, меня задержал специально выставленный пост. Впереди лес, и были случаи нападения на наши отдельные машины. Пришлось подождать, пока не накопится внушительная колонна. В нашей машине находилось тогда полковое знамя и рисковать тем более было нельзя: потеря знамени грозила расформированием полка.

Где-то после Бродницы потерялась связь с нашим первым дивизионом, следовавшим сзади. Под вечер остановились на ночной привал, ожидая, что дивизион подойдет. Ждем до глубокой ночи, а его все нет. Это уже ЧП. Что с ними случилось? Может быть, напоролись на блуждающих немцев? А ведь нужно будет отправлять очередную оперативную сводку по инстанции. Не докладывать же, что мы потеряли целый дивизион! Отправляюсь на поиски. Я помню, где в последний раз переговаривались с ними по радио. На развилке дорог, когда мы проезжали, там горел немецкий «тигр». Подъехали к этому месту. Танк уже догорел. Пробуем вызывать их по радио. Ответа нет. Уже собираюсь проехать дальше, как, наконец, отозвались. Оказывается, не уверены были, куда дальше двигаться, и на всякий случай остановились в стороне от дороги, в каком-то хуторе, куда и днем непросто добраться. Я и не пытался искать. Стали выпускать сигнальные ракеты, ориентируясь по которым к нам пришли оттуда разведчики и проводили к себе. Утром привел дивизион в полк.

Почти до самого конца ходили слухи о том, что немцы готовят или уже приготовили какое-то новое секретное оружие, могущее в корне изменить ход войны. А Гитлер будто бы сказал, что, если ему придется уйти со сцены, он хлопнет дверью так, что весь мир содрогнется. Как бы в подтверждение этому в начале 45-го у немцев появились какие-то особо мощные снаряды. Звуки разрывов разносились на многие километры вокруг. Удалось увидеть после такого разрыва огромнейший кратер в земле. Вероятно, это был ФАУ. Потом, когда стало известно об атомной бомбе, невольно пришло в голову — как хорошо, что она не досталась Гитлеру. Он бы не задумался ее применить и против нас, и против союзников.

В преддверии близкого окончания войны стали проявлять

активность охотники за наградами. Других случаев потом не представится. Это не значит, что появилось стремление совершать какие-нибудь особо выдающиеся подвиги. Совсем нет! Просто некоторые старались приписать на свой счет то, что, может быть, они и не заслужили. В принципе возможности для этого объективно имеются. Скажем, за сбитый самолет, подбитый танк автоматически полагается награда. Но по одной и той же цели, как правило, одновременно стреляют многие. Поди разберись, чей именно выстрел был решающим! Все участники почти в равной степени могут претендовать на авторство. Обычно это соответственно и отражалось в оперативных сводках из каждого низового подразделения и механически суммировалось в армейских штабах. В результате один и тот же подбитый танк на бумаге мог превратиться чуть ли не в роту танков, сбитый самолет — в эскадрилью. До поры до времени это устраивало, ибо говорило о якобы особо высокой результативности наших действий и считалось полезным для поднятия духа. Но со временем поняли, что так не должно быть. На бумаге науничтожали столько всего, что немцам и не снилось иметь. Под конец войны стали требовать обоснования на все. Каким образом? Очень просто: факты должны официально подтверждаться независимыми наблюдателями. Как-то ко мне в землянку, я исполнял обязанности начальника штаба полка, явился некий капитан, зенитчик. Вынул из полевой сумки поллитровку и какую-то бумагу. Просит подписать и поставить печать. Там свидетельство, что это они сбили в тот день немецкий самолет. Но я сам видел, что самолет был сбит нашим истребителем. Пришлось, как говорится, дать ему «от ворот поворот». Капитан не очень огорчился. Только сказал: «Не все же такие принципиальные. Найду другого!»

Активизировались и охотники за личным оружием. Произошел такой неприятный инцидент. Землянки в войну освещались с помощью, как их почему-то так прозвали, «катюш». Это орудийные гильзы, сплющенные сверху, куда вставлялся матерчатый фитиль. Заполнялись они бензином. Чтобы предохранить от взрыва, в них засыпалась соль (вероятно, по закону Рауля упругость паров при этом существенно уменьшается). В тот вечер солдат начал доливать очередную порцию бензина, оставив, вопреки обычаю, «катюшу» горящей. Бензин вспыхнул. Банка выскользнула из рук. Бензин разлился по полу, все заполыхало. Еле выскочили из землянки. А когда огонь был потушен и вернулись обратно, оказалось, что мой пистолет исчез. Осталась лишь пустая кобура. Наутро начались боевые действия и заниматься расследованием было некогда. Хорошо,

что у одного из моих друзей, майора Еремьяна, оказался лишний пистолет, и он его мне отдал.

Когда подходили к границам Германии, шли. разговоры о партизанской борьбе, которая якобы нас ожидает. Будто бы готовятся и будут действовать отряды так называемых вервольфов — оборотней. Куда там, ничего подобного не случилось! Полная покорность. В немецких городах, поселках, куда мы входили, чуть ли не изо всех окон торчали самодельные белые флаги. А кое-где вывешивались и красные. Все это даже несколько смущало. Мы же не воюем с мирным населением.

Поначалу жители были напуганы. Сказалась геббельсовская пропаганда. Конечно, поведение наше было совсем не ангельским. Но не в такой же степени, как преподносилось. В отличие от немцев на нашей земле, мы не считали себя представителями «высшей расы», которым многое дозволено. В чем, пожалуй, особо были грешны, так это в увлечении «барахлом». Не оправдывая, скажу только, что понять можно, если учесть, какие материальные потери понесла практически каждая наша семья. Положение в этом плане объективно усугублялось тем, что были разрешены трофейные вещевые посылки домой. Не очень много, но один-два обычных посылочных ящика почти каждый из нас отправил. Однако понятие «военный трофей» быстро расширилось. Стали забирать не только со складов, как первоначально предполагалось, но и из покинутых квартир. И даже, боюсь, не всегда этим ограничивались. Понятие «военного трофея», нечего скрывать, нередко распространялось и на женщин, что, похоже, некоторыми из них тоже воспринималось как законное право победителя.

Но далеко не всеми. В марте 45-го поздно вечером ко мне в штабную машину привели двух дрожащих от холода и страха молодых женщин. Одна немка, другая полька. Они, проходя вдоль опушки леса, где мы расположились на ночной привал, наткнулись на наш патруль. Стал расспрашивать, насколько мне позволял мой плохой немецкий. Оказалось, направляются в близлежащий городок, где у них живут родственники. В темноте заблудились и вот попали к нам. Конечно, никакие не шпионки, как кто-то пытался мне втолковать. Ушли же со своего хутора, спасаясь от настойчивых притязаний наших солдат. Ко мне прониклись доверием и все откровенно рассказывали. Полька пожаловалась, что ее «зганбыли», что было понятно. Немка все повторяла: «Ich habe Angst», что я никак не мог взять в толк. В университете мы учили немецкий. Но такого слова что-то я не мог припомнить. Сначала подумал, что это означает жажду и спросил не хотят ли они пить. Нет! Затем поинтересовался не

нужно ли им поесть. Опять не то. На мой вопрос «Was ist das Angst?» — только грустно заулыбались. Начал злиться: как это я не могу разобраться, в чем дело. В конце концов все же понял, что Angst означает страх. Что с ними делать? Отпускать в ночь действительно небезопасно. К тому же они заблудились, не знают куда идти. Напоили чаем, дали полушубки и посадили в кабину нашей машины. Пусть поспят до утра. Утром проводили к дороге. Они тут же узнали, где находятся, и обрадованные, искренне поблагодарив, отправились в путь.

Последний бой, последние усилия. Уже идет битва за Берлин, а мы все еще на Одере, недалеко от Штеттина. Находимся на небольшом пустынном островке. С левого берега, совсем недалеко — пулеметный и минометный огонь. Доносятся угрозы и ругательства на нашем родном языке. Власовцы — не власовцы, но русские в немецкой форме. Им терять нечего и они все еще пытаются сопротивляться. Но через день стрельба прекратилась, противника больше нет. Наша война закончилась!

Не встречая сопротивления, движемся в походном порядке на запад. Обходим Берлин с севера. Навстречу почти непрерывным потоком беженцы. На повозках с лошадьми или с ручными тележками или просто так, неся на себе свой скарб. Каждая группа под своим национальным флагом, чтобы не приняли за немцев. Кроме наших здесь и французы, бельгийцы, поляки, чехи. И немецкие подразделения в походном порядке, как-то держа строй, тоже идут навстречу. Похоже, их никто не сопровождает, конвоиров не видно. Жмутся к обочине, чтобы не мешать нам. Вот уж поистине дни Победы.

Выходим к Эльбе, недалеко от Гамбурга. На той стороне англичане. Неприятное чувство вызвала инструкция о том, как вести себя с союзниками. В контакты не вступать, своих планов не раскрывать (вроде можно, не вступая в контакт, вообще что-либо сообщать!). Значит, не доверяем. Видно, они уже бывшие союзники. А жаль! Слава Богу, что не заняли боевые позиции.

Наконец, 9 мая. Разбудила громкая стрельба. Неужели все-таки перестрелка с союзниками? Нет, это спонтанный салют на радостях. Что творилось в этот день! Вот дали волю своим чувствам! Говорят, госпитали в этот день работали с полной нагрузкой. Кто хватил лишнего и стрелял, не разбирая куда. Кто отравился, напившись древесного спирта, которого здесь было в изобилии. Кто попал в аварию, лихо выжимая скорость на трофейной машине. В нашем полку, насколько я знаю, день Победы прошел без инцидентов.

После войны

Германии довольно быстро стали устанавливаться нормальные взаимоотношения с населением. Особенно после того, как Жуковым был издан приказ, строго регламентирующий нормы поведения наших войск на оккупированной территории. Между прочим, многие немцы, как выяснилось, были убеждены, что тогда, в 41-м, именно мы собирались напасть на них, а прозорливый Гитлер, первым начав войну, лишь упредил события. Когда я говорил, что это не так, что оборонительные сооружения на границе строились только с нашей стороны, но не с немецкой, лишь недоуменно пожимали плечами.

Вскоре наш артполк передислоцировался в Польшу. На несколько дней задержались в небольшом немецком городе недалеко от Берлина. Там я, к тому времени уже майор, оказался старшим по званию и поэтому посчитал себя начальником гарнизона. В городе уже был бургомистр. Соблюдая международный этикет, как я его себе представлял, решил устроить для него прием. Он пришел, как и положено, с супругой. По части угощений мы не подкачали. Но вот с напитками случился конфуз. У нас осталась только запасенная когда-то впрок канистра со спиртом, который мы влили в нее, поспешно опорожнив от бензина. Никакой предварительной промывки не было. Перебить запах бензина спиртом, на что мы надеялись, не удалось. Букет получился ужасный, от которого долго потом во рту не удавалось избавиться. Когда я честно об этом поведал, думал, что гости откажутся. Те же, на удивление, согласились. Попросили только сахару, который они насыпали в налитые бокалы. Пили, изображая вполне хорошие мины на лицах. В остальном все прошло хорошо. Расстались почти совсем друзьями.

В Лигнице, отошедшем к Польше, но населенном еще в основном немцами, произошел такой случай. Поздно вечером, когда мы укладывались спать, прибежал мальчишка сын хозяйки, у которой мы остановились. Взволнованно сообщил, что неподалеку женщины взывают о помощи Какие-то наши военные ломятся к ним. Интересно, а мы уже вроде как свои, он к нам обращается за помощью Взяв с собой двоих солдат, поспешил туда. Большой пятиэтажный дом, из которого слышатся женские голоса «Hilfe!» У подъезда двое наших офицеров. Один пытается проломить дверь. Другой в это время играет на аккордеоне То ли чтобы заглушить крики, то ли чтобы расположить к себе женские сердца. Играл он действительно превосходно. Пришлось их

отвадить отсюда. Уходя, я счел нужным поддержать нашу пошатнувшуюся репутацию и крикнул женщинам, чтобы они не боялись — «keine Angst» (это слово я хорошо запомнил). «Больше такое не повторится. Наши воины вполне хорошие (sehr gut)». На что мальчишка несколько позже не преминул заметить, что наши люди, хотя и действительно с добрым сердцем, но все же, как он выразился, «wilde» — дикие.

Война завершилась — и кончилась свободная жизнь. Снова строгий распорядок дня. Снова строевая подготовка, снова учебные стрельбы. Как будто там мало стреляли! Опять зубрить уставы, которые за войну устарели. После насыщенного событиями военного времени — регламентированная однообразная жизнь. Не лежит у меня душа к этому. Неужели так будет продолжаться и дальше? Не к этому себя я готовил.

И тут сообщение об атомных бомбардировках японских городов. Казавшаяся несбыточной идея о высвобождении внутриядерной энергии стала реальностью. Это будет иметь огромнейшее значение и не только для целей истребления людей. Командир полка, считая, что я должен все знать, тут же приказал мне выступить с лекцией. По тревоге в 11 часов вечера был собран весь офицерский состав полка. Пришлось, почти ничего не зная по существу и строя догадки, что-то рассказывать. Слушателям все же понравилось. Особенно как я фантазировал насчет летательных аппаратов на атомной энергии. «Представьте себе», — говорил я, — «Вы летите на самолете, а, может быть, и на космической ракете, и у вас кончается горючее. Тогда вы отрываете пуговицу, бросаете ее в специальный аппарат — и проблема снята. Полет продолжается».

Я же, помня о своей клятве, посчитал, что это моя судьба. Тем более, что эта область физики интересовала меня давно. Еще почти два года тому назад я писал с фронта моей будущей жене (она сохранила все мои письма): «Теперь уже явственно чувствуется, что война идет к концу. Невольно приходят в голову мысли: а что же будет потом? Хочу закончить аспирантуру, хочу стать настоящим физиком. Это стремление у меня давно и, очевидно, навсегда». И в другом письме: «Я остановил свой выбор на физике. Меня прельстили атомное ядро и возможность получения практически неограниченных количеств энергии». Отправил письмо на имя члена военного совета северной группы Войск генерала Субботина. Написал, что я честно исполнял свой долг на фронте от начала до конца войны. Но я физик и думаю, что теперь смогу послужить отечеству и в этом качестве. Ответ пришел незамедлительно, с нарочным: «Демобилизовать немедленно!» И вскоре началась для меня новая жизнь, целиком

посвященная ядерной физике и ядерной энергетике. И теперь, по прошествии многих лет, мне кажется, что свой долг, ту давнюю клятву, я все же выполнил, хотя, может быть, и не совсем так, как тогда представлялось.

Мы давно ушли из армии и разбрелись кто куда. Но братскому чувству дружбы не изменили. Нам повезло, наш полк сохранился до сих пор. И мы, однополчане, регулярно встречаемся в нем, вместе посещаем памятные места боев. Как. приятно снова увидеться, повспоминать прошлое, поделиться настоящим! Ничего не поделаешь, с каждым годом нас все меньше и меньше. А в полку тех, кто в нем воевал, давно уже никого нет. Но осталось имя полка, традиции и, мы это хорошо чувствуем, глубокое уважение к нам, фронтовикам. И, несомненно, гордость за прошлое. Действительно, есть чем гордиться. Полк награжден четырьмя орденами: Красного Знамени, Суворова, Кутузова и Александра Невского. Его имя в мемориале на Сапун-горе. Теперь он входит в состав прославленной Таманской дивизии.

Некоторые выводы

Немцы воевали хорошо. Они и нас выучили. Как учат неумеющего плавать, бросая его в воду. Мы же не только «выплыли», но и обогнали их. Как же все-таки получилось, что нам удалось их победить? Не претендуя на всеобъемлющий анализ, некоторые мысли на этот счет позволю себе высказать. Можно выделить несколько основных факторов и рассмотреть их в динамике.

Боевой дух. С самого начала он у нас был на достаточно высоком уровне. Однако его одного мало. В условиях существовавшего вначале общего превосходства противника это означало, что мы воевали в основном за счет собственной крови. Огромные жертвы были понесены именно в начальный период войны. Но что существенно — ни тяжесть поражений, ни горечь отступлений не сломили нас. Наш боевой дух не ослабевал, он закалялся, крепчал. Даже тогда в Сталинграде, сидя на крутом обрыве над Волгой (дальше — некуда!), мы не сомневались, что можем и должны победить. Потому, что воевали за правое дело. Потому, что были едины в своем стремлении одолеть врага.

Поначалу у немцев тоже был. хороший боевой настрой. Они воевали во имя казавшихся столь привлекательными для них идей: утверждения расового господства, завоевания «жизненного пространства» на востоке (Drang nach Osten). Эти идеи подкреплялись легкими или, во всяким случае, быстрыми победами на западе. Проповедываемый Гитлером «блицкриг» действительно удавался. Но потом все изменилось. О каком арийском превосходстве могла идти речь, если им приходилось под нашим натиском постоянно отступать! Немцы вынуждены были признать, что мы воюем ничуть не хуже их. Немецкий боевой дух, воля к победе пошли на убыль. Уже не было той ожесточенности в бою, что раньше, когда, даже оставшись в одиночестве, немецкий солдат отстреливался до последнего патрона. Все чаще чуть что — руки кверху и «Гитлер капут».

Элементы тактики. Одним из важнейших элементов наступательной стратегии в этой войне являлось осуществление глубоких прорывов с последующим окружением и разгромом крупных сил противника. Особенностью же немецкой тактики при этом было то, что они хорошо предохраняли, обеспечивали свои даже сильно растянутые фланги. И на это отвлекались довольно значительные силы. В самом начале войны, когда мы находились на Днестре, противник, прорвавшись на нашем левом (как, впрочем, чуть позже и на правом) фланге узкой, шириной в

несколько километров полосой далеко вклинился в наши позиции. Была поставлена задача отрубить, отрезать этот клин. Попытались наступать в, казалось бы, вполне подходящем месте. И ничего не получилось. Были встречены сильным не только пулеметным, но и артиллерийско-минометным огнем. Втягиваться в затяжное сражение было нельзя, ловушка могла захлопнуться. И мы вынуждены были отказаться от своих намерений. Немцы придерживались такой тактики неизменно. Когда в 42-м они форсировали Дон в районе Калача и в тот же день вышли к Волге, наши предприняли попытки наступать в междуречьи с севера. Очевидной целью было отрезать прорвавшегося к Сталинграду противника. Кажется, были у нас там и неплохие силы. Но успеха не добились. Немцы организовали крепкую оборону по всему фронту, используя частично и заранее подготовленные нами же рубежи. В принципе они действовали вроде правильно. Однако, думаю, если бы немцы не распыляли своих сил, их успех мог бы быть еще более серьезным. Тогда, в Сталинграде, вероятно, они могли бы сразу захватить значительную часть, если не весь город. У нас оставались там в основном тыловые части. Главные силы были выведены на разных направлениях за пределы города.

Мы же, как я понимаю, в аналогичных операциях придерживались несколько иной тактики. Прорвавшись, двигались вперед, не особенно заботясь о флангах, но сохраняя сильную ударную группировку. Вначале, когда еще не удавалось создать уверенного превосходства в силах, это не оправдывалось. Немцы просто замыкали кольцо окружения, из которого редко удавалось выбраться. Но затем общее соотношение сил изменилось в нашу пользу. И тогда такая тактика стала приносить свои плоды. Уже в 44-м в Крыму благодаря ей мы добились решительного успеха. А затем в Белоруссии и позже это стало нормой.

Организованность. Оперативности и четкости в действиях вначале нам явно не хватало. Примеров было немало. Где-то в конце первого месяца войны наш полк вынужден был совершить трудный марш к намеченному рубежу обороны. Но когда прибыли на место, оказалось, что дивизия, которую мы должны поддерживать, уходит. Сосед же уже откатился назад километров на 20. Никто и не подумал своевременно нас предупредить. Пришлось поворачивать обратно, не сделав ни одного выстрела. Хорошо еще, что удалось вообще выбраться оттуда.

Как-то зимой 42-го я прибыл для оказания поддержки к одному из командиров стрелкового батальона. И он буквально с горечью рассказал о трудной ситуации, в которой они очутились.

Ему надлежало наступать в своей полосе, оставляя справа укрепленный опорный пункт обороны противника в деревне. Им должен был заняться сосед. Но тот не сумел его взять. И получилось, что батальон, продолжая двигаться вперед, попал под сильный фланговый огонь из этой деревни, понес потери и вынужден был остановиться. Но указания выйти за пределы предписанной полосы и атаковать деревню с фланга или, может быть, с тыла так и не было.

Со временем, однако, все стало на место. До сих пор помню, какое удовлетворение испытывал, когда под конец войны (я был тогда оперативным помощником и одно время замещал начальника штаба полка) доводилось планировать операции. Был уверен, что все будет выполнено, как по нотам. Со стороны это может показаться удивительным. Ведь нам заранее не известны намерения противника, его реакция на наши действия. Но мы предусматривали различные вариантные возможности. В случае необходимости в наши планы без промедления вносились коррективы. В январе 45-го, прорвавшись с Пултусского плацдарма на Нареве севернее Варшавы, группировка из двух или трех армий 2-го Белорусского фронта, куда входил и наш полк, рванулась на юго-запад. По плану далеко в глубине немецкой обороны предполагалась встреча с войсками 1-го Белорусского фронта, охватывающими Варшаву с другой стороны, и завершение ее окружения. Но немцы неожиданно быстро оставили город. И нас с полпути, с хода, направили совсем в другую сторону, в Восточную Пруссию. Вся огромнейшая махина, войска почти целого фронта, без сбоев и задержек были полностью переориентированы и устремились на север. Вот это оперативность!

На мой взгляд, многое зависит от принятой системы управления. Она должна обеспечивать оптимальное соотношение между требованием централизации управления и возможностью проявления инициативы на местах. Не скатываться заметно ни в ту, ни в другую сторону. В принципе тут все ясно: нужно, чтобы на каждом структурном уровне могли приниматься решения теми, кто несет полную ответственность, владеет ситуацией и в состоянии немедленно реагировать на ее изменения. На практике же так не всегда удается. Похоже, что у немцев было отклонение в сторону излишней централизации. У нас вначале тоже не все было ладно. Маршал Г.Жуков в своей книге вспоминает, как он пояснял Сталину, почему мы постоянно запаздываем в своих действиях. Пока оперативная информация пройдет все инстанции до самого верха, ситуация изменяется. Решение, даже не успев родиться, устаревает. Однако, думаю, что вскоре мы оказались

здесь несравненно ближе к оптимальности. Несмотря на сохранявшуюся необходимую централизацию и жесткую дисциплину, оставался и достаточный простор для инициативы практически на всех уровнях. Я, например, как и другие артиллерийские командиры, мог без промедления открывать огонь, не испрашивая ничьих санкций. Однако на гражданской службе принцип централизации, по всей видимости, так и остался превалирующим. До сих пор помню, какое разочарование и огорчение я испытал, когда после демобилизации начал заниматься научной деятельностью. Планы проведения даже небольших экспериментов, как оказалось, полагалось посылать в Москву для утверждения в министерстве.

Наша исполнительская дисциплина вначале заметно хромала. Но к концу войны, думаю, мы уже не уступали в этом немцам, по праву славящимся своей организованностью и пунктуальностью. Причем, что немаловажно, этого удалось добиться скорее благодаря умению и добросовестности исполнителей, чем за счет чрезмерного обилия контролеров, зачастую мешающих делу. Как жаль, что не сохранились те навыки высокой организованности, что мы приобрели на войне!

Оружие. В начале войны у немцев был явный перевес. Мы проигрывали как в количестве, так и в качестве оружия. Сколько на наших глазах сгорело танков, разбилось самолетов! Автоматов, основного оружия ближнего боя, практически вообще не было. К середине войны, удалось добиться, во всяком случае можно сказать, паритета. А в авиации несомненного превосходства. Оснащенность же артиллерией и ее тактико-технические свойства у нас и у немцев с самого начала были примерно одинаковы. Даже номенклатуры калибров орудий и минометов существенно не различались. И реактивная артиллерия была как с той, так и с другой стороны. На наши «катюши» у них были свои, как мы их прозвали, «ванюши» — шестиствольные минометы, а также другие ракетные системы. По эффективности же использования артиллерийских средств и умению их применять мы почти с самого начала мало отличались от немцев, имевших за плечами богатый практический опыт. Во всяком случае, так мы считали и, кстати, находили подтверждение в первых же немецких листовках: «Смерть жидам, коммунистам, морякам и артиллеристам!». Что касается первых двух, то это был их дежурный девиз. Моряки же (морские пехотинцы) с самого начала показали себя весьма стойкими в бою. А артиллерия уже тогда наносила немцам ощутимый урон. К концу войны мы явно превосходили противника почти по всем статьям. Конечно, открытие второго фронта несколько ускорило развязку. Но

основная тяжесть выпала на нас. И наша победа была закономерной.

И последнее, что я хочу сказать. Мы все сражались за одно общее дело, за нашу единую социалистическую Родину, над которой нависла страшная угроза. В начале войны мне довелось прочесть письмо одного немецкого офицера домой. Автор в нем сообщал, что его очень интересует судьба, как он выразился, «лоскутной империи» на востоке. Гитлер правильно считает, писал он далее, что это искусственное образование непрочно. Только тронь — развалится на куски. И нетрудно будет устанавливать свой «новый порядок», где для нас, как можно было понимать, в лучшем случае была бы уготована участь людей второго сорта. Тогда не вышло! А теперь, спустя 50 лет, сделано то, чего не смог добиться Гитлер. Страна рассечена на части. Соратники, с кем вместе сражались, оказываются уже чужестранцами. И «новый порядок» устанавливается, в котором большинство честных, добросовестных тружеников фактически обречены на положение людей второго сорта. Тяжело сознавать, что утрачено многое из того, во имя чего мы прошли те испытания, отдали жизни свыше 20 миллионов наших людей.

Из писем с фронта

30.06.42

Ты просишь описать мой «великий поход». В письмах этого не сделаешь. Сообщу только основные пункты маршрута: Кишинев, Тирасполь, Николаев, Херсон, Мелитополь, Бердянск, Мариуполь, Таганрог, Ростов, Шахты, Новочеркасск, снова Ростов и затем бесчисленное количество мелких донецких городов уже в наступлении, и все это — с боями. Первое время смотрел на происходящее какими-то чужими глазами, как смотришь в кино картину из военной жизни с бесконечными взрывами, грохотом, криками «ура», колючей проволокой и прочими атрибутами. Действительная война оказалась похожей на кино, только крови в ней слишком много. Погибли оба моих фронтовых друга, те, которые вместе со мною прибыли из Днепропетровска. <… >

Ночи обычно провожу под открытым небом, ложусь здесь же, возле НП, вдыхаю чудесные, душистые запахи поля, любуюсь луной и пытаюсь восстановить в памяти свои астрономические познания. Правда, последнее мне не удается. Я обычно засыпаю, так и не разыскав нужную мне звезду. Вообще я обнаружил, что всякие научные познания гораздо легче потерять, чем приобрести. Мне теперь, например, кажется, что я позабыл 99 % всех формул, которые прежде крепко сидели у меня в голове. И нельзя сказать, чтобы я был очень расстроен этим. Мне хотелось бы, чтобы вернулась прежняя жизнь, чтобы снова все было по-старому, но я знаю, что это невозможно. Даже если я и доживу до конца войны, то все равно слишком много изменений произошло и во мне, и вокруг меня.

Кстати, напрасно удивляешься, что я старший лейтенант. Не мог же я всю войну оставаться «младшим».

22.11.42

Откровенно говоря, в жаркие дни боев в Сталинграде я не слишком уж много думал о близких, некогда было предаваться воспоминаниям. Когда же попали на другой участок, спокойный совсем, оказалось, что ночи теперь длинные, слишком длинные, чтобы, их можно было проспать напролет. Читать уже давно нечего. И приходится сидеть полночи и думать. Чего только не передумаешь за это время! Я, между прочим, обнаружил, что очень быстро думаю. В течение нескольких часов перед тобой проходит много лет жизни. Вспоминаю отца и мать, неужели их нет уже в живых! А если живы, то как они живут? И что думают обо мне? Ведь неизвестность мучает больше всего. *Мать, наверное, совсем проплакала глаза, она всегда плакала, когда я уезжал в армию*

даже в мирное время.

…Удивляюсь все-таки, что там у вас так много выходят замуж. За кого? Я считал, что там только калеки и больные. Так, пожалуй, когда мы вернемся с *фронта, нам и невест не останется. Придется просить правительство, чтобы ввели бронь для нас. Никому не хочется прибывать к шапочному разбору.*

5.12.42

Уже скоро 20 месяцев, как мы расстались. Здесь о времени и не жалеешь, если оно быстро проходит. Что ж, чем скорее, тем лучше, ближе к концу войны и больше шансов… Это тогда, потом, вернувшись домой, мы будем считать седые волосы в голове и говорить друг другу: «Вы хорошо сохранились для своих лет». Сейчас оке это не проблема. Во всяком случае мы молоды духом, хоть и пережить за эти двадцать месяцев пришлось немало. Иногда жалею, что не веду дневника ~ всего не удержишь в голове, и много интересного расползается из памяти. <… >

Население нас очень радостно встречает. Много натерпелись под властью немцев и румын. Последние только в плену прикидываются такими невинными овечками, на самом деле над мирными жителями они издевались не меньше немцев. Хорошо, тепло встречают, нас даже там, где раньше люди не отличались особым гостеприимством. Угощают самым лучшим, что у них есть, и так настойчиво, что совестно отказаться.

6.05.43

*Иногда вылезешь из своей берлоги-блиндажа и смотришь на луну. И какие только мысли не лезут в голову, какие воспоминания! Лирика! Как она не совместима с войной! Война убивает всякую лирику. И кажется, что окопы, блиндажи, снаряды., пули — только это настоящее, действительное, а луна, жаворонки, цветы — это чужое, как с картинки. Между прочим, у меня иногда появляются «признаки». Вот совсем недавно почему-то вспомнил… ряды, самые обыкновенные — Тейлора, Маклорена и К*о*. Исследовал несколько рядов на сходимость. И теперь никак не пойму, с чего бы это, и какую роль могут играть ряды в борьбе против немцев. В общем, пока решил, что они могут служить для отдыха, так же,* как *Жюль Верн, Джек Лондон и пр.*

15.08.43

Сегодня изучал ту сторону. Утром солнце с нашей стороны, и немцы все, как на ладони. Видны, каждый окоп, каждая тропинка. Но обитателей этих окопов очень редко удается заметить — зарылись, как кроты, в землю, и носа не высовывают. То ли дело наши славяне — кругом целые демонстрации. Но сейчас тихо, никто не стреляет. Обе стороны берегут снаряды на будущее. Если на передовой у немцев все кажется вымершим, то в тылу движение

большое. Машины, повозки, всадники… какая-то суматоха.

Сейчас есть одна цель — разбить немца. А потом у меня имеется смутное желание посвятить себя делу, которое бы ликвидировало возможность повторения этой дикой бойни, по крайней мере, обеспечило бы безопасность нашей Родины — я имею в виду научные работы. Но с какой стороны, взяться за это, еще не представляю. Впрочем, пока и думать об этом бесполезно.

Между прочим, можешь мне позавидовать. Сладкого, например, у меня больше, чем достаточно. Сегодня получил плитку шоколада, настоящего, фабрики «Красный Октябрь». На материальные условия здесь, на фронте, жаловаться не приходится. Получается чуть ли не буквально: сыт, пьян и нос в табаке. Насчет второго и третьего, конечно, преувеличение. Я даже в последнее время бросил курить.

12.12.43

Трудно убедительно показать, почему нравится та или иная отрасль науки, так же, как тот или иной человек. Одному нравятся формулы, стройность, последовательность математических выводов, другого приводит в восторг какая-нибудь вновь открытая иероглифическая надпись. Я и сам не знаю, почему люблю (вернее, любил) физику. Я уже давно пришел к выводу — каждому человеку надо найти себя. Искать и искать, перебрать, если надо, десятки профессий и специальностей, но все-таки найти. Я, например, уже знаю, что ни певцом, ни участником балета, ни военным (в мирное время) я не смог бы быть. Впрочем, это, кажется, как раз то, о чем я и раньше знал без всяких проб. После ряда испытаний я остановил свой выбор на физике. Насколько помню, меня тогда прельстили атомное ядро и возможность получения практически неограниченных количеств энергий.

9.05.45

Поздравляю с победой!!!

Итак, война кончилась. Об этом дне мы мечтали там, на Волге, в Сталинграде. Мы пронесли эту мечту через всю войну. И вот она сбылась! Теперь осталась одна мечта — это ты. И эта мечта стала близкой и реальной.

А все-таки не верится, что все кончится/ К миру так же трудно привыкнуть, как и к войне.

Об авторе

Олег Дмитриевич Казачковский родился в 1915 г. Окончил Днепропетровский университет. Участвовал в войне в качестве офицера артиллерийской разведки. После демобилизации длительное время занимался исследованиями в области ядерной физики и ядерной энергетики. Профессор, доктор физико-математических наук, заслуженный деятель науки и техники РФ. Удостоен Ленинской премии за работы по физике реакторов на быстрых нейтронах. Автор книги «Реакторы на быстрых нейтронах. Научно-технические мемуары.» В 1964–1973 гг. — директор Научно-исследовательского института атомных реакторов в Димитровграде. В 1973–1987 гг. — директор Физико-энергегического института в Обнинске.

…Учиться! Теперь уже все явственней чувствуется, что война идет к концу. Невольно приходят в голову мысли: а что же будет потом? Конечно, я не хочу оставаться в армии, она мне не по душе, хотя я уверен, что смог бы кое-чего добиться. Нет, я хочу закончить аспирантуру, хочу стать настоящим физиком. Это стремление у меня уже давно и, очевидно, навсегда.

Из письма с фронта от 25.02.44